

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК
СТИХИ

Вильям Блейк

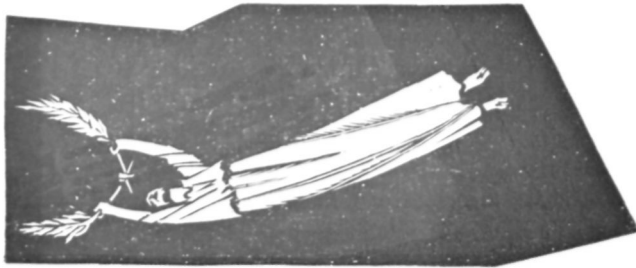
СТИХИ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1978

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК
СТИХИ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

И (Англ)
Б68

Составление,
вступительная статья и комментарии
А. Зверева

Художник
А. Гончаров

Оформление художника
А. Лепятского

© Составление, вступительная статья, комментарии; переводы, отмеченные
в содержании *. «Художественная литература», 1978 г.

Б $\frac{70404-176}{028 (01)-78}$ 193-78

ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ БЛЕЙКА

Странности биографии английского поэта и художника Вильяма Блейка (1757—1827) занимали последующие поколения, быть может, даже больше, чем его творчество. Многие в его судьбе казалось — и в самом деле было — загадочным. Многие выглядели парадоксальным и необъяснимым.

В Вестминстерском аббатстве — национальном пантеоне Англии — ему теперь поставлен памятник, однако могилу Блейка отыскать невозможно: он умер в нищете и был похоронен за счет города Лондона, иначе сказать, в общей яме для немущих. Сохранившиеся полотна и листы Блейка, собственноручно выполненные им гравированные издания своих стихотворений и поэм-«пророчеств» сегодня стоят баснословные суммы, да и факсимильные перепечатки, которые осуществляет специально созданный для этой цели «Блейковский трест», могут приобрести лишь очень состоятельные люди. А началось все с того, что в 1847 году будущий гла-

ва «прерафаэлитов», как называли себя первые английские символисты, поэт и живописец Данте Габриэль Россетти по чистой случайности набрел на тетрадь с блейковскими рисунками и стихами, ныне именуемую «Манускриптом Россетти». Его поразила оригинальность поэтических и зрительных образов неведомого автора, и он поспешил купить тетрадь — за десять шиллингов.

При жизни Блейк мог рассчитывать только на участие друзей. Министерский чиновник и любитель искусств Томас Баттс, долго оставшийся его единственным почитателем, платил Блейку по гинее за лист, своими заказами доставляя основной заработок. Одно время роль мецената взял на себя известный в начале XIX столетия стихотворец Вильям Хейли. Он поселил Блейка у себя в приморском поместье Фелпхэм и поручил ему написать портреты Гомера, Камюэнса, Ариосто и Спенсера для своего кабинета, где сочинялись дидактические поэмы в назидание девицам, ищущим достойной партии. Он был добродушный и обходительный человек, искренне расположенный к Блейку, но, руководствуясь благим порывом научить своего подопечного правилам хорошего вкуса в искусстве, безмерно докучал ему советами и пожеланиями, пока поэту не удалось высвободиться из-под этой тягостной опеки.

Лишь под старость Блейк встретил, кажется, и настоящее понимание, и настоящую дружбу. Романтические веяния затронули к тому времени и молодую английскую живопись; начинающие художники — Джон Линнел, Сэмюэл Палмер — почувствовали в работах Блейка не только огромный талант, но и нечто близкое их собственным устремлениям. Линнел заказал ему иллюстрации к Данте; этот цикл Блейк кончал уже умирающим, и его одного достало бы, чтобы сохранить имя Блейка в истории искусства.

Однако эту, самую светлую страницу в биографии Блейка дописывало время и, дописав, изменило ее колорит. После смерти Блейка его архив попал к одному из участников линнеловского кружка Фредерику Тэтхэму; здесь были живопись, графика, поэтические и философские тексты, бесценные блейковские маргиналии — заметки на полях прочитанных им книг. С годами Тэтхэм порастратил бывшее вольнодумство, отошел от художественной жизни и сделался благомыслящим джентльменом викторианской эпохи. Наследие Блейка, видимо, представляло собой достаточно взрывчатый материал; Тэтхэм счел за лучшее многое уничтожить. Никто не может теперь сказать — сколько, но нет никаких сомнений, что в камине семейного особняка Тэтхэмов погибли десятки исписанных Блейком, заполненных его рисунками и акварелями листов.

Блейк прожил жизнь, считавшуюся по тем временам очень долгой — почти семьдесят лет. Когда, по собственным воспоминаниям, его впервые стали посещать мистические и образные видения — это было в 1765 году, и будущему поэту не исполнилось и восьми, — еще писал Лоренс Стерн, еще был в живых Эдвард Юнг, чьи «Ночные мысли» Блейку впоследствии довелось иллюстрировать; кипели споры о новейшем художественном движении, представителей которого называли сентименталистами. Конец творческого пути Блейка совпал с закатом блестящей романтической эпохи; уже не было ни Китса, ни Шелли, ни Байрона, Кольридж почти не писал, и только Вордсворт продолжал печатать стихи — впрочем, и его золотая пора давно осталась позади.

Кольридж и Вордсворт и были единственными литераторами этих богатых талантами десятилетий, кто заметил Блейка. Коль-

ридж читал «Песни Неведения» и нашел, что автору не удалось достоверно передать строй чувств ребенка; в этом с ним можно согласиться, лишь уточнив, что Блейк вовсе к этому и не стремился, — обстоятельство, от Кольриджа ускользнувшее. Вордсворт не знал блейковских стихов, но имел некоторое представление о его идеях. Известный литературный сплетник Крэбб Робинсон, чьи сорокатымные дневники сохранили для потомства множество фактов и небылиц, касающихся едва ли не каждого примечательного лица в английском обществе первой половины XIX века, показал Вордсворту «Описательный каталог», изданный Блейком к своей выставке 1809 года. Творец «Оды Бессмертию», в которой современные исследователи обнаруживают объективную близость некоторым блейковским мотивам, отозвался об идеях Блейка как о свидетельстве «безумия — однако же такого безумия, которое для меня интереснее, чем здравый смысл лорда Байрона и Вальтера Скотта».

Описанная сцена происходила через шестнадцать лет после самой выставки, и Вордсворт, разумеется, не чета тогдашним газетным рецензентам. Тем не менее его отзыв повторяет расхожее мнение чуть ли не дословно; и хотя Блейку он оказал предпочтение перед Байроном и Скоттом, это скорее всего следует объяснить лишь давней литературной враждой. К 1809 году Блейку уже не приходилось уповать на милости Королевской академии, вверенной заботам сэра Джошуа Рейнольдса — превосходного портретиста, который, однако, не признавал ни малейших отступлений от принятых правил рисунка и композиции. Закончив иллюстрации к Чосеру, Блейк выставил их еще с несколькими работами на втором этаже дома, где помещалась лавка его брата-галантерейщика.

Для него выставка была итогом тридцати лет труда, но не нашлось ни посетителей, ни покупателей. Каталог, содержавший, среди прочего, глубокий разбор «Кентерберийских рассказов», лежал нераспроданным, а единственная рецензия, напечатанная в «Экземинере» (автором ее скорее всего был брат поэта Ли Ханта, Роберт), называла Блейка «жалким безумцем, которого следовало бы упрятать в желтый дом, если бы в быту он не был столь безобиден». Больше Блейк уже никогда не пытался добиться признания у современников.

«Безумец» — эта характеристика, порою жалостливая, чаще же ядовитая, закрепилась за Блейком среди знавших его людей едва ли не с юности, а после того как афоризмами о «естественной религии» (1788) и «Книгой Тэль» (1789) он сделал свои философские и художественные идеи предметом всеобщего сомнения, в его «безумии», похоже, уже никто не сомневался. Несложно было вслед за тем квалифицировать любую его мысль, любой образ как плод больного, пусть и сильного воображения. И уже само собой разумеется, что ничего общего с духовной и литературной жизнью своей эпохи, с ее исканиями, пристрастиями, потребностями, иллюзиями у Блейка не может быть.

Так он и оказался молчаливо, но непробиваемо изолированным от английской культуры рубежа двух столетий, от возможного читателя, возможного зрителя — судьба, в своей драматичности исключительная. История искусства знает множество примеров непонимания и непризнания, и все-таки в анналах английской литературы трудно подобрать соответствие той трагедии, какой оказалась творческая биография Блейка. Не было оценено по достоинству выдающееся дарование Джейн Остин, круг ее читателей

оставался очень узок, но при всем том ее книги выходили в лучшем лондонском издательстве «Мэррей» и ей оказал внимание сам наследный принц, хотя писательница не искала такой чести. Злобно травили Байрона, но не было во всей образованной Европе человека, который не знал бы его поэзии. Блейка же не замечали; для современников он попросту не существовал, был мертв при жизни.

За полвека литературной работы он выпустил у издателя только одну книгу — самую раннюю, «Поэтические наброски» (1783), напечатанную на средства миссис Мэтью, руководительницы женского кружка, участниц которого прозвали «синими чулками», и снабженную возмущившим автора предисловием ее добродетельного супруга, настоятеля собора. Хлопотами Линнела Академия в конце концов удостоила Блейка поощрения в 25 фунтов, но ни иллюстрации к «Книге Иова», ни чосеровский и дантовский циклы — эти вершины блейковского образного видения — не были пропущены в ее залы. Изобретенным им способом иллюминированной печати (гравирование с последующим раскрашиванием каждого экземпляра от руки) Блейк в нескольких десятках оттисков выпускал в свет «Песни Неведения и Познания», а затем «пророческие поэмы», и оттиски годами пылались на полках мастерской, не находя никакого спроса.

Почему же все это происходило и что имели в виду современники, когда с такой непоколебимой уверенностью судили о блейковском «безумии»? Конечно, дело упиралось в необычность, сложность художественного мышления Блейка, в подчеркнутую, остро ощущаемую и сегодня специфику и трудность законов, по которым строится его образный мир. Но это следствие. Если же

говорить о первопричине, дело упиралось в воинствующую полемичность воззрений Блейка, резко расходящихся как с рационалистической доктриной, которой хранил верность еще повсюду о себе напоминавший в блейковские времена английский просветительский век, так и с завезенными из Франции руссоистскими идеями «естественного человека», и с романтической философией личности и искусства, уже будоражившей молодые умы.

Годы зрелости Блейка пришлось на необычайно бурный, переломный для судеб Европы период, который был отмечен революциями в английских колониях и во Франции, наполеоновскими войнами, ирландской смутой, трагедией луддитства, резкими сдвигами в социальной структуре и общественном сознании. Блейк активно откликался на события убыстренно текущей истории, переживал и выражал их с напряжением прямой личной причастности, но вместе с тем — как человек, по сути, не поддерживавший ни одного из важнейших общественных, философских, эстетических устремлений своего времени. Как художник, оказавшийся между двумя огромными эпохами в развитии человечества, разделенными 1789 годом, и не принявший ни нарождающейся, ни уходящей. И здесь были истоки непреодолимого конфликта Блейка с окружавшим его миром.

В этой своей, такой мучительной для него, «промежуточности», в этом неизбежном для Блейка стоянии между двумя эпохами он, несомненно, принадлежит романтизму, как бы резко ни нападал он на свойственный романтикам культ индивидуального в ущерб всеобщему и на их склонность противопоставлять «простого» человека — человеку духовному. Но для Блейка по-иному определялась и подводила к иным заключениям та необходимость выбора

между становящимся и отошедшим, с которой в первые десятилетия начавшегося «железного века» столкнется, большей частью так и не сумев этого выбора сделать, все романтическое поколение. Сказывался тот факт, что Блейк этому поколению предшествовал и скорее предугадывал его искания, чем мыслил в категориях романтизма. Ко времени «Лирических баллад» Кольриджа и Вордсворта, изданных в 1798 году под одним переплетом и возвестивших приход новой литературной школы, он был уже сложившимся мастером, тесно связанным с миропониманием XVIII столетия, однако почувствовавшим и воплотившим его кризисность. Уже были написаны «Песни Неведения и Познания», и хотя самим романтикам это осталось неизвестно, история литературы именно от этой книги прослеживает важнейшую романтическую тему перелома эпох и открывшегося на таком историческом стыке нового видения душевной жизни: не разделенность, а совмещенность, слияние, единство «противоположных состояний человеческой души».

Сказывались и специфические особенности формирования Блейка как личности и как художника, своеобразии полученного им воспитания и унаследованных духовных традиций.

Отец его был чулочником, владельцем небольшой лавки, товары для которой он изготовлял, в основном, собственными руками. С десяти лет Блейк был отдан в ученье к граверу, и вся его жизнь прошла среди людей этого круга, о которых в те времена никто и не говорил как о художниках — только как о рабочих. За исключением неполных трех лет (1800—1803), проведенных им у Хейли, он ни разу не покидал Лондона, и уже сохранившиеся адреса Блейка — Брод-стрит в Сохо, Грин-стрит в Лейстер-филдз,

Лэмбет, Стрэнд — позволяют живо представить себе быт и людей, которые ему были привычны. В ту пору все это были улицы, населенные мелкими чиновниками и торговцами, мастеровыми, квартирантами доходных домов — «четвертым», безденежным сословием во всей его многоликости.

Он пытался выбиться, открыв с компаньоном в 1784 году собственную печатню и начав торговлю гравюрами, однако этот план оказался эфемерным — дело пришлось ликвидировать, и уже до конца дней Блейку нужно было искать заказов издателей, жульничавших при расчете, за медяки иллюстрировать Юнга, Блэра, Бергилия в школьном переложении да полагаться на преданность Баттса и еще нескольких друзей.

С легкой руки поэта Олджернона Суинберна, который в 1868 году написал о нем одну из первых восторженных книг, стало обычаем изображать Блейка как гения, обитавшего в сфере чистой духовности, как пророка, не услышанного соотечественниками. А на самом деле он был рабочим, годами тянувшим лямку ради хлеба. Он был не просто свидетелем безмерной нищеты и отчаяния тех толп «черни», в чью защиту с пламенной речью выступил в 1812 году потрясенный увиденным в индустриальном Ноттингемшире Байрон. Он сам принадлежал к «черни», на собственном опыте изведal и голод, и кабалу работодателей, и жестокую борьбу за жизнь — всю эту грубую, не замечаемую тогдашней литературой повседневность трущобных кварталов. И она вошла в его поэзию, сообщив ей такую резкость социальных штрихов, какой английское искусство до Блейка не знало, придав его стихам такую графичность образов и такой всепроникающий урбанизм кодерита, что они теперь кажутся написанными не в конце XVIII века,

а по крайней мере столетием позже — во времена Верхарна и лондоновских «Людей бездны».

Его духовные корни уходят в эту же почву. Та среда, где вырос Блейк, продолжала хранить, передавая из поколения в поколение, сложившиеся еще в средневековье еретические и сектантские доктрины, в которых за ветхозаветными понятиями, категориями и образами полыхает едва сдерживаемое пламя плебейской революционности, а идея Рая крепится требованиями достойной жизни на земле. Преследовавшиеся еще более жестоко, чем невесты, эти учения — антиномианцев, фамилистов, «бешеных», ноахимитов — выдерживали самые беспощадные гонения официальной церкви и государства, а таившееся в них пламя на протяжении истории не раз вырывалось наружу, требования высказывались открыто — вспомнить хотя бы о Томасе Мюнцере, анабаптисте, вожде Крестьянской войны в Германии, казненном, как и все его сторонники.

Блейк воспринял этот пронесенный через столетия бунтарский дух, это еретическое толкование христианства как земной справедливости, эту нравственную ригористичность и особый духовный настрой, при котором суровой мерой божеского и сатанинского измеряется любой, даже мелкий людской поступок, и события сегодняшней жизни видятся как органическое продолжение событий евангельской истории в их высоком этическом смысле, и весь путь человечества предстает как кристаллище Добра и Зла, борющихся от дней творения. Он воспринял основную мысль еретической теологии — мысль о человечности Христа, сформулированную еще в XII веке итальянским мистиком Иоахимом Флорским идею Вечносущего евангелия, согласно которому бог есть не сила

внешняя по отношению к человеку, но впервые выявленная в Иисусе внутренняя духовная сила каждого, высвобождение которой ознаменует грядущую эпоху бесцерковности, любви, братства и свободы. Он воспринял и символику, обнаруживаемую уже в самых ранних сектантских проповедях, — символику разрушения до камней порочного мира социальной иерархии и церковной лжи, Вавилона, — и построения Иерусалима, царства человеческого равенства и осуществленной христианской нормы, государства-утопии, того Иерусалима, который у Блейка «свободой зовется средь Альбиона сыновей».

Понятия, в которых он мыслил, давно утратили свою содержательность, однако и через два столетия не потускнел демократизм идей, выраженных на этом трудном для современного читателя языке. Это был органичный, естественный демократизм человека «четвертого» сословия, и собственно он и побуждал Блейка вступать в полемику со всеми философскими воззрениями своей эпохи и отвергать все принятые формы общественной организации как ложные в свете принципов Вечносущего евангелия и потребностей грядущего Иерусалима.

Ему был ненавистен бэконовский и локковский рационализм, в котором Блейк видел утилитарную, бездуховную философию, лишь сковывающую высшую человеческую способность — Воображение, ту сокрытую в каждом духовную и нравственную энергию, которой должны быть сокрушены темницы Вавилона, чтобы воздвигнуть на их месте город справедливости. Основным оппонентом Локка был епископ Беркли, но его идеализм, оправдывавший положение вещей в обществе провиденциальной волей, у Блейка находил только одну характеристику — «кощунство». Церковь на

его языке звалась Блудницей, а на полях брошюры берклианца Уотсона он написал: «Господь сотворил человека счастливым и богатым, и лишь хитроумие распорядилось так, что необразованные бедны. Омерзительная книга».

Уотсон нападал в своем памфлете на Томаса Пейна. Блейк был хорошо знаком с этим выдающимся деятелем молодой Америки по лондонскому кружку деистов, который в молодости не раз посещал; в 1792 году он даже помог Пейну ускользнуть от охотившейся за ним британской полиции. Тогда же была написана «Французская революция» — одна из первых «пророческих» поэм, набранная в типографии руководителя кружка Дж. Джонсона, но из-за цензурных строгостей не напечатанная и сохранившаяся, видимо, далеко не полностью. В ней Блейк еще полон революционного энтузиазма, поверженная Бастилия для него — один из вавилонских бастионов, наконец-то рухнувший. Развитие событий во Франции вскоре умерило его восторженные ожидания; деизм, который исповедовали радикально настроенные друзья Блейка, остался ему чужд — он не принял обычного у деистов разделения божественного и человеческого начал, в «Бракосочетании Рая и Ада» (1790) объявив, что «все живое Священно»; он не принял и никогда не мог бы принять деистскую мысль об обществе как скоплении изолированных, фрагментарных существований, связанных чисто механическими отношениями причинности и зависимости.

Все это как будто давно отшумевшие споры, но поразительно, что аргументы Блейка — конечно, прежде всего те, которые заключает в себе его поэзия, его искусство, — наполняются новой и новой актуальностью вот уже столетие, что прошло со времени его «от-

крытия» Суинберном, Россетти и первым биографом Александром Гилкристом. Причина та, что со своими противниками Блейк спорил не только как мыслитель, защищавший, пусть в специфической форме, взгляды «четвертого» сословия. Он спорил с ними еще и как художник, словно бы самой историей вызванный из среды людей, которым всего виднее была оборотная сторона «прогресса», для того, чтобы в гигантских космогонических символах, в тяжелом семиударном белом стихе, в косноязычии неловко построенных фраз запечатлеть ее напряженный, задыхающийся ход на одном из самых крутых перевалов, запечатлеть слом эпох, рождение новых коллизий и нового самосознания человека в мире «сатанинских мельниц», дымящих день и ночь напролет, и потрясения двух пронесшихся над миром революций, и несбывшуюся надежду, что из их горнила явится целостная, истинно свободная и духовная личность.

Поэзия Блейка была вызвана к жизни своим временем и почти без исключений являлась непосредственным — лишь в силу внешних обстоятельств порою зашифрованным — откликом на его события. Но она далеко переросла значение свидетельства об этом времени. В ней-то, быть может, впервые и выразились та жажда целостности и полноценности человеческого опыта и та тоска по недостижимой свободе духовного бытия, которые станут настойчивым, едва ли не центральным мотивом уже у европейских и американских поэтов XX столетия. Даже и для своей эпохи архаичная по символике и языку, она наполнилась содержанием, в полной мере понятым только много десятилетий спустя; нужно было, чтобы общезначимыми, жгуче актуальными стали явления, так тревожившие Блейка, который обнаружил их еще на исходе

блистательного и радостного просветительского века, — растущая механистичность сознания, обретающегося в современном Вавилоне и не помышляющего об Иерусалиме, и насыльственное ограничение свободной человеческой воли, и засилье плоского рационализма и утилитаризма, повсеместно теснящего Поэтический Гений, Воображение, эту величайшую и незаменимую творческую способность, без которой нет Человека.

Его творчество воспринимается сегодня необходимым звеном, соединившим духовные и художественные традиции самых ранних эпох европейской истории с проблематикой, осознаваемой культурой нашего времени, и поступательность, непрерывность в движении искусства да и всей гуманистической мысли без Блейка так же невозможны, как без его любимых поэтов Данте и Мильтона.

Воображение — верховное божество Блейка, которому посвящены его самые восторженные гимны, — оказывается ключевым понятием блейковской философии, чьи истоки следует искать в еретических и сектантских воззрениях средних веков и в мистицизме Якоба Бёме и Сведенборга, а отклики и продолжения — уже у романтиков, шедших, того не ведая, проторенными Блейком путями. Воображению противостоит Своекорыстие — Разум рационалистов, закованный в круге земных, только земных интересов, или абстрактные альтернативы Добра и Зла, из которых исходит каноническая христианская теология. На первый взгляд друг другу враждебные, эти две формы сознания для Блейка идентичны в своем стремлении затруднить, сделать вовсе неосуществимым непосредственное общение личности с заключенным в ней самой богом, познание сокрытой в любом человеке духовной сущности и

ее свободное развитие. Сам бог не более чем космическое воображение, вольно творящее мир в согласии со стремлением людей к органическому, целостному бытию и с необходимостью эстетической гармонии и красоты.

Борьба Воображения и Свокорыстия — мотив, главенствующий во всей блейковской космогонии, во всей сложнейшей образной символике «пророческих» поэм, и это борьба за целостного человека, признавшего, вопреки конкретным обстоятельствам своего существования, единственной и непререкаемой нормой Поэтический Гений и создающего Иерусалим из камней разрушенного им Вавилона. Именно — из той первоматерия которой наполнена его сегодняшняя жизнь; это важная особенность блейковского мышления, резко его отличающая от утопистов, рисовавших некий труднодостижимый идеал далекого будущего. Для Блейка же построение Иерусалима — задача дня, точнее, задача каждого поколения и даже каждого человека, обязанного воздвигать его для себя, а тем самым и для человечества.

В поэзии Блейка это постоянное и неослабевающее внимание к «первоматерии», к социальной конкретности присуще уже «песнотона» раннего периода и обнаруживается повсюду вплоть до «Мильтона» (1809) и «Иерусалима» (1820) — последних и, наверное, самых многозначных его «пророчеств». Долгое время считалось, что ему, мистика и визионеру, не могли быть интересны страсти своего времени, кипевшая вокруг баталия идей. Такие представления теперь развеяны. Разумеется, современному читателю без пространного комментария не ощутить злободневности блейковских образов и тем, но самому ему и тем немногим, кто читал Блейка при жизни, она была ясна — факт существен-

ный, для того чтобы верно понять природу его творческой фантазии.

«Пророческие» поэмы надлежит рассматривать как миф, поэтическими средствами мифа воссоздающий историю, сегодняшний день и будущее Альбиона — символа человечества; в них вошли фрагменты христианской, индийской, античной мифологии, по-новому соотношенные и осмысленные, дополненные специфически блейковскими мотивами, коллизиями и персонажами, которые созданы его художественным видением. Точно так же их надлежит рассматривать как своеобразную хронику духовной жизни блейковской эпохи, свод ее интересов, надежд, забот, устремлений.

Здесь нет противоречия. Актуальный для времени «сюжет» всегда оказывался у Блейка отзвуком вечной драмы, в которой сталкиваются богоравный свободный человек и простертый ниц перед алтарем прихожанин, Поэтический Гений и утилитарный Разум, Воображение и Своекорыстие. И сама драма наполнялась содержанием тем более глубоким, что она разворачивается в конкретном историческом контексте, осознается и переживается реально, ощутимо воссозданной исторической личностью, какой в «пророческих» поэмах предстает повествуемое «я». И каждая деталь подобного «сюжета» приобретала значение не просто общающегося действительный опыт символа, но и неотъемлемого компонента блейковского мифа о человеке, взыскующем целостности и истинной духовности бытия в мире, уже подчиненном утилитаристскому непониманию со всеми неисчислимыми бедствиями, которые оно за собой влечет.

Актуальнейшим «сюжетом» тех лет была революция в колониях Нового Света, и «Америка» (1793) доносит живые отголоски

умонастроения тогдашних лондонских радикалов, веривших, что скоро заря новой, истинно разумной и человеческой цивилизации перекинется через океан. Очевидно, что об идеях «Декларации независимости» и подробностях событий 1776 года Блейк был хорошо осведомлен от деятельного их участника Томаса Пейна. В поэме упомянуто о решающих эпизодах войны мятежных территорий против метрополии, названы гремевшие в ту пору американские имена. Эмоциональная тональность «Америки», это переполняющее ее радостное чувство завоеванной вольности лишний раз свидетельствует, что, при всех своих резкостях по адресу просветителей, Блейк оставался человеком XVIII столетия, которому ненавистен монархический деспотизм и которого пьянит само слово Республика.

Но Блейк воспринимал революцию, как и все на свете, прежде всего в ее нравственном и эстетическом смысле — как шаг на долгом пути к царству Поэтического Гения, высвободившегося из оков. Может быть, поэтому он и сумел заглянуть дальше своих демократически настроенных соотечественников, да и американцев вроде того же Пейна, растерявшихся, когда выяснилось, что осуществить прекрасные принципы куда сложнее, чем их сформулировать.

И «Америка» написана не для прославления успехов побеждающей демократии, хотя Блейк, несомненно, сочувствовал им всей душой. Главенствующая роль принадлежит в поэме впервые здесь появляющемуся Орку — блейковскому Прометею и Адонису, одному из центральных персонажей мифологии «пророческих» поэм. В споре с ангелом Альбиона, олицетворяющим покорность заведенному порядку вещей, он не только обличает английскую тира-

нию, мешающую осуществиться американской свободе; Блейку важнее вложенная в его уста мысль о необходимости революций как бродила духовной энергии человека — революций, отнюдь не завершающихся провозглашением политической независимости, ибо речь идет о разрушении темниц Своекорыстия в самом человеческом сознании.

Образ, созданный в финале поэмы, — грандиозный, космический образ огня, борющегося с водами Атлантики и бушующего над двумя континентами, — и заключает в себе эту мысль об очистительном нравственном пламени революции, которая призвана сокрушить Вавилон, выстроенный в сердцах людей. Не просто политический переворот, а революция духа является для Блейка рупчательством, что воды Атлантики не затопят новосозданный материк Воображения, как в свое время затопили они английский Иерусалим, оставив Англии ее остров, обращенный в вавилонскую темницу. Назначение революции — приблизить день, когда исчезнут все сухопутные и водные границы, разделившие братьев по крови, и люди снова станут семьей, живущей по законам, которые записаны в Вечносущем евангелии.

Так блейковское мышление, настоянное на старых религиозно-утопических идеях, которые соединились с радикальными взглядами свидетеля 1776 и 1789 года и гуманизмом великого художника, преобразовало «сиюминутные» темы его эпохи. В них вкладывалось содержание, только с накоплением исторического опыта осознававшееся в его настоящей значимости и приобретающее свою подлинную актуальность, когда тема, в блейковские времена дискутировавшаяся на всех улах, успевала давно уже сделаться достоянием профессоров. «Безумие» на поверку оказыва-

лось провидением, поэмы и в самом деле приобретали «пророческий» смысл.

Актуальным «сюжетом» была в те дни и борьба за запрещение работорговли; в 1787 году было основано abolitionистское общество, шли парламентские прения, на которые в «Песнях Неведения» Блейк откликнулся стихотворением «Негритенок». Это — редкие у него «стихи на случай», их антирасистский пафос очевиден. Однако ими не исчерпывается в блейковском творчестве сам «сюжет». Написанные в 1793 году «Видения дочерей Альбиона» посвящены как будто другой теме; только отдельные стихи — например, о тиране Геотормоне, у чьих ног, «как волны на пустынном берегу, вскипают голоса рабов», — непосредственно ввели в поэму явление, смущавшее совесть лучших людей эпохи. Они и стали зерном, из которого выросло все «видение». Рабство героини поэмы Утуны — рабство «безутешной души Америки», духовное рабство всех, порожденное институтом рабовладения. Такого института не знает Альбион, но и его дочери «рыдают в рабстве», которое для Блейка — универсальное состояние людского рода, обретающегося в Вавилоне, где идея равенства подменена отношениями владельца и раба, а принцип свободы — системой закабаления, социального и нравственного.

Поразителен этот ярко выраженный у Блейка дар осознавать как прямо причастные к английским судьбам и к собственной судьбе события, явления, коллизии далеких стран и далеких эпох, осознавать целостность, неделимость человечества, взаимосвязь бесчисленных явлений физического и духовного мира, их переходность, их движущееся единство. Здесь в англоязычной поэзии у

него нет предшественников (да и восприемник появится нескоро, причем за океаном — Уитмен); собственно, Блейку и принадлежит открытие диалектического взгляда на реальность, диалектического художественного видения.

Всего последовательнее оно воплотилось в лучшем его лирическом цикле «Песни Неведения и Познания», а наиболее отчетливо и открыто диалектический принцип мировосприятия был сформулирован в программной для него поэме «Бракосочетание Рая и Ада». По первому впечатлению она кажется прелюдией к романтической «дьяволиаде» с характерным для нее прославлением Сатаны — вольного духа, бросающего вызов самому Небу. И кажется не без причины. Одну только замечание о Мильтоне, который «был прирожденным Поэтом и, сам не зная того, сторонником Дьявола», когда хотел восславить Бога, — это целая философия, афористически выраженное кредо всего романтического миропонимания. Да и построение поэмы, тридцатью годами предшествующей «Прометею» Шелли и байроновским мистериям, уже полностью отвечает эстетическим нормам романтизма. В эпоху Юнга и Грея даже самый свободомыслящий критик не мог бы оправдать этой необычной композиции с ее причудливыми видениями, с ее афоризмами, фрагментами ритмизованной прозы и философским диспутам поэта и пророков, а затем Ангела и Дьявола, с ее мифотворческой образностью и прямыми обращениями автора к современникам в венчающем поэму вдохновенном гимне Свободе.

Не устывая ни малейшим вниманием правила школьной поэтики, Блейк создает форму на глазах читателя, да и важна ему не формальная завершенность, а выраженная до конца мысль.

И хотя по своей сути это мысль романтическая, понять ее можно, только окунувшись в атмосферу доживающего свой срок XVIII века. «Бракосочетание Рая и Ада» — предельное усилие Блейка в его борьбе как с утилитарным Разумом, так и с поработившей людей Церковью-Блудницей. Апогей его титанической битвы за освобождение Поэтического Гения. Декларация окончательного разрыва с исповедуемыми его эпохой понятиями морального добра и зла, поскольку мир оказался на переломе, на пороге великого сдвига, перед лицом Апокалипсиса, и лишь раскрепощенное Воображение, высший духовный импульс, таящийся в самом человеке, а не условное «добро» и «зло» обветшалых доктрин указывает путь к Иерусалиму в эти грозные годы.

Всякий односторонний, замкнутый в бытующих понятиях взгляд на жизнь (в конечном счете, даже и сведенборговский, Блейку наиболее близкий) лишь обрекает личность на безысходное существование в тесном прямоугольнике вавилонских стен. Ведь жизнь — это Движение, а оно «возникает из Противоположностей. Влечение и Отвращение, Мысль и Действие, Любовь и Ненависть необходимы для бытия Человека» — это великое органическое единство и открылось Блейку «среди адских огней», в беседе с Исайей и Иезекииелем, в испытаниях, которым подверг духовный разум поэта сошедший к нему Ангел. Открылся «безмерный мир восторга, недоступный вашим чувствам», — чувствам узников Уризена, персонажа, который в блейковской мифологии олицетворяет несвободное сознание современного Альбиона. Это плен духа, плен мысли; но «Жизнь — это Действие», мысль же только служит Действию оболочкой. «Действие — Вечный Восторг».

Здесь — суть философской и поэтической концепции, лежащей в фундаменте одновременно создававшихся «Песен Неведения и Познания», вершинного творенья Блейка как лирика.

Впрочем, начатки диалектического постижения реальности можно обнаружить уже в «Поэтических набросках». Блейк очень рано начал писать стихи — по собственному свидетельству, в одиннадцать лет. «Песни», которые преобладают в его первой книге, у Блейка были не просто условным лирическим жанром, а настоящими песнями — строфа рождалась вместе с музыкой (пройдет много лет, и Суинберн с досадой напишет о друзьях юности Блейка, слышавших эти мотивы и не потрудившихся их записать). Поэтический образ немедленно влек за собой образ зрительный; в сохранившихся рабочих тетрадях («манускрипты» Пикеринга и Россетти) отчетливо виден этот присущий Блейку с первых лет творчества синкретизм художественного мышления, наложивший такой рельефный отпечаток и на его образность, и на его мелодику.

Примат конкретности над эмоциональностью и рисунка над цветом, графичность, скупая оттенками четкость звуковой организации — эти характерные отличия зрелого Блейка, автора «Песен Познания», проступают и в лучших из его поэтических «набросков», где поэт уже начал обретать самостоятельность. Хотя он и следует здесь старым, восходящим еще к Спенсеру формам, порою смягчая их суховатую, математическую правильность метрическими нарушениями в духе прославившихся к этому времени предромантиков Макферсона и Чаттертона, и вслед за ними вводя мниоисторические сюжеты, олицетворение стихий, архаизованную лексику и меланхоличную окрашенность колорита, ощутиее все же

чисто блейковские черты, особенно в «Безумной песне», «Осени», «К музам» или открывшем сборник стихотворении «В полях порхая и кружась...».

Блейковское — прежде всего в угадываемом и за наиболее светлыми, радостными стихами этой юношеской книги, не выраженном открыто, но уже посетившем Блейка чувстве противоречивости мира, его неизбежной и необходимой дисгармонии, двусмысленности его явлений. Безумие у Блейка не аномалия и не восславленное впоследствии романтиками средство возвыситься над прозаизмом жизни, а «нормальное» бытие приверженца общепринятых моральных представлений, неспособного совладать с диалектической сложностью и «взрывчатостью» истинной, не иллюзорной действительности. Плен любви в тогдашней поэзии — непременно сладкий плен, возвышение и очищение души, у Блейка же высокое счастье соседствует с рабством, и «любви прекрасный князь» тешится беспомощностью опутанных его сетями. Блейк написал эти стихи четырнадцатилетним подростком; едва ли для них был какой-то биографический повод — перед нами не свидетельство пережитого, а свидетельство формирующейся мысли.

В «Песнях Неведения и Познания» диалектическое видение Блейка приобретает глубину и всеобъемлющую значимость, доступную только великому искусству. После того как были завершены «Песни Познания» (1794), Блейк никогда не гравировал отпечатанный им пятью годами раньше цикл о Неведении отдельно. Да это едва ли и было бы возможно, потому что смысл книги, ее существо — мысль о неразрывности духовного опыта человека, о его целостности, обнимающей и объединяющей в некоем высшем синтезе заложенную в личности от рождения «невинность», чистоту

и всю неизбежную умудренность каждого далеким от идеала бытием. Это мысль о неожиданных, даже парадоксальных, порою трагических, но крепчайших связях, которыми скреплены мечта и действительность, детство и взрослый возраст человечества, его Неведение и Познание, составляющие два противоположных, однако строго соразмерных и друг без друга одинаково незавершенных состояния Души.

Поэтому почти каждому стихотворению из цикла о Неведении находится свое соответствие в цикле о Познании, причем отношения внутри этих пар — отношения контраста, принципиальной разнонаправленности, но также и органичной взаимосвязи, которую необходимо понять и принять. Здесь-то, в этой идее теснейшей соотнесенности «состояний», и воплотился блейковский диалектический взгляд на реальность, схваченную в ее подвижности, борьбе, в резких переходах от света к тени и от трагизма к высокой духовной радости, в ее динамике, в жизненосном Движении, сокрушающем любую схоластическую Мысль и любую претензию на абсолютность нравственных квалификаций. Там, где усматривают лишь торжествующее «Добро», Блейк обнаруживает и ущербность, в том, что именуют «Зло», — свою красоту, и вся книга оказывается еще одной попыткой опровергнуть верования века, мало того — изменить сам строй его мышления.

Однако художественное содержание «Песен» неизмеримо значительнее их конкретной полемической задачи. Это поэзия, где мир осмыслен в сближениях, для блейковского времени совершенно неожиданных, в высшей гармонии вечного и непереносимой расчлененности социального, текущего своего бытия, в пересечениях полярностей: ягненок, кроткий Агнец, — и созданный тем же

Мастером в той же кузне ослепительно прекрасный тигр, воплощение великой энергии жизни, ее неиссякаемого огня и ярости, беспощадности ее законов; прозревший в царстве Неведения, обретающий речь цветок — и другой цветок, больная роза, зачахшая при соприкосновении с Познанием; сияющие лица детей на светлом празднике в храме — и, в тот же самый святой четверг, голодные детские лица на улицах с их никогда не кончающейся тьмой.

В таких противостояниях, в сквозном контрасте воздушных, легких тонов цикла о Неведении, где все на свете еще дышит радостью и счастьем, точно в дни творенья, и лаконичной, жесткой по штриху графики «Песен Познания», изображающих полный горя микрокосм блейковского Сегодня, в самих резких переключениях эмоционального и образного ряда уловлена трагичность слома эпох и выражено чувство, которое оставалось неведомо XVIII веку. Это чувство оборвавшейся поступательности, единонаправленности человеческой истории, чувство дискретности и разорванности каждого существования, пришедшее на смену былому ощущению его полноты и органичности, столь близкое романтикам (и еще больше — поэтам нашего столетия) чувство потерянности в мире разъеденных ложью церковных доктрин и потерпевшего банкротство обожествленного Разума, среди людей, которые подобны подсолнуху, день за днем тянущемуся к небосклону, но лишь утомленно провожающему светило в его движении к иным, озаренным краям. Чувство такой потерянности, когда уже не находится духовного Отца, в цикле о Неведении указавшего заблудившемуся мальчику путь к дому.

Однако, пересекаясь, полярности не отрицают друг друга — и в этом признании «противоположных состояний» необходимым

условием бытия личности, в этом отказе от соблазнов бегства в гармоничный, бестревожный мир, ибо отдельно от Познания его просто не существует, Блейк решительно расходится с романтической философией жизни, словно бы опережая ее и становясь прямым предшественником поэзии новейшего времени, на Западе впервые о себе заявившей уитменовскими «Листьями травы» и лирикой Бодлера.

Его Неведение — не идиллия, окрашивающая детские представления о мире, и не царство осуществленной мечты, пригрезившееся поэту в минуты ничем не омраченной душевной ясности. Это даже и не символ с годами утрачиваемой поэтической настроенности человека, когда ему невозможной кажется самая мысль о разрушении, несогласованности, жестокости — в природе ли, в общественном ли его существовании.

Скорее это некое духовное качество, подспудно хранящаяся память о том, каким является в мир — «взрослый» мир, неизбежный для него, как и для всех, мир Познания, движущийся, полный противоречий, притягивающий и отталкивающий мир — каждый человек, каким он создан по законам веры и любви. И каким он должен и остаться, вобрав в себя многоликость, фрагментарность, контрастность действительной жизни и духовно претворив пронизывающую ее этику Своекорыстия в высокую свободу Воображения, ее жестокость — в мудрую доброту, ее аномалию — в завершенную гармонию, по-прежнему доступную ему, пока свет его Неведения не гаснет и окружающая реальность не притупила в нем способности постигать диалектическую, неоднозначную природу вещей.

Путь через Познание должен вести к тому — да не покажется парадоксом — все ведающему Неведению, которое для Блейка означало покоренную вершину, венец усилий в нескончаемой борьбе за целостность человеческого бытия, его свободу, его гуманность, его творческий дух.

Начиная с «Песен Неведения и Познания», все творчество Блейка — поиски надежных подступов к этой вершине, движение по этому тернистому пути, каждым новым своим поворотом заставляющему убедиться, что вершина недостижима. Гуманный идеал оказывался все больше не в ладу с прозаизмом своекорыстной действительности, и усилия Блейка преодолеть этот разрыв — его непоколебимая верность мечте об Иерусалиме, его патетические гимны бунтующему французскому Гению и сбросившей оковы американской Душе, его исканье подлинных рыцарей Воображения, пусть даже в эпохах неблизких, где были такие примеры, как Мильтон, Данте, Иов или блейковский еретический Христос «Вечнотупеющего евангелия» (1810), — вся эта иступленная борьба с бездуховностью времени за истинно духовного человека в итоге завершилась поражением того, кто отважился ее завязать.

Верх брало время, и Блейк выпадал из него, даже посвященным в его искусство — тому же Крэббу Робинсону или Вордсворту — казался анахронизмом, да и был им, если под анахронизмом разуметь не отставание от своей эпохи, а ее опережение сразу на несколько хронологических порядков. В награвированной одновременно с «Песнями Неведения» (1789) «Книге Тэль», одной из самых светлых английских элегий, он уже осмыслил для себя то решение вечного эстетического конфликта художника с будничным миром, которое впоследствии избрали романтики, и отверг

его обманчивую простоту. Тэль, нерожденная душа, символ абсолютного Неведения, вступает в действительный мир лишь для того, чтобы тотчас же бежать прочь из этой «немой страны скорбей и слез, где не блеснет улыбка». Первичное Неведение, осознанное незнание, полная свобода от убийственной повседневности, царство фантазии, вознесшейся высоко над землей, — не здесь ли была сфера настоящей Поэзии, незамутненной духовности?

Для Блейка это романтическое построение, им же предугданное, осталось только великой иллюзией; в этом, быть может, и следует видеть первоисток неубывающей творческой значимости его искусства для новых и новых поэтических поколений. В «немой стране скорбей и слез» прошла вся его жизнь — не просто десятилетия существования на грани нищеты, не признанным, не услышанным, «безумным», но духовная жизнь поэта и художника, открывавшего эту страну для общественного сознания, которое лишь очень нескоро оказалось готовым постигнуть пафос блейковских исканий и смысл созданного им художественного языка. Жизнь, полная драматизма, но и великого напряжения творящего Разума, жизнь, ознаменованная никогда не прерывавшейся борьбой со всеми догмами, поработавшими свободный человеческий Гений, и конечной неудачей в этой борьбе, но такой неудачей, без которой немисливо представить трудно осуществленный в поэзии сдвиг от XVIII века к новой эпохе, ее коллизиям, психологическому содержанию и потребностям духа.

А. Зверев

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗ КНИГИ «ПОЭТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ»

ПЕСНЯ

В полях порхая и кружась,
Как был я счастлив в блеске дня,
Пока любви прекрасный князь
Не кинул взора на меня.

Мне в кудри лилии он впел,
Украсил розами чело,
В свои сады меня повел,
Где столько тайных нег цвело.

Восторг мой Феб воспламенил,
И, упоенный, стал я петь...
А он меж тем меня пленил,
Раскинув шелковую сеть.

Мой князь со мной играет зло.
Когда пою я перед ним,
Он расправляет мне крыло
И рабством тешится моим.

К ВЕСНЕ

О светлый Гений с влажными кудрями,
Глядящий из промытых окон утра!
Ты взором ангельских очей окинь
Наш остров западный: он ждет Весны!

Перекликаются холмы и доли;
Глаза на твой блистающий шатер
Устремлены: в наш край стопой святой
Шагни через восточную гряду!

Нам утренним дыханьем и вечерним
Упитесь дай! Пускай целуют ветры
Твою благоуханную одежду.
Земля полна истомы. Жемчугами

Украсть и поцелуями осыпъ
Ей грудь, перстами чудными надень
Златой венец на голову, чьи косы
Стыдливо для тебя расплетены.

К ЛЕТУ

С твоим вторженьем к нам в долины, Лето,
Ты жаром пышущих коней сдержи,
Умерь из их ноздрей летящий пламень!
Когда в золотых шатрах, среди дубов,
Тебя клонило в сон, цветущим телом
И роскошью кудрей мы любовались.

Мы слушали твой голос в гуще леса,
Когда по небу в знойной колеснице
Катился полдень. У ручья присядь
Иль у реки, в долине мшистой, сбрось
Одежды мягкий шелк и прыгни в воду
Прозрачную. Во всем великолепии,
Тебя долины наши любят, Лето!

Из серебра у наших бардов струны.
Южан отважней наши храбрецы.
Никто не пляшет лучше наших дев.
У нас есть песни, сладостное эхо,
И реки, светлые как небеса,
И лавролиственных венков прохлада.

К ОСЕНИ

Запятнанная кровью винограда,
Отягощенная плодами Осень,
Мой кров укромный не минуй, настрой
Свой голос в лад моей свирели свежей,
Чтоб года лучшим дочерям плясать!
Спой песню о цветах, плодах и злаках.

«Тугой бутон раскрыл светилу полдня
Свои красы; по всем прожилкам с дрожью
Текла любовь! Цветы венков свисали
Над лбом рассвета и зари вечерней
Стыдливymi щеками. Разразилось
Под перистыми облаками Лето.

Воздушных духов кормит сладкий запах
Плодов; снует на легких крыльях радость
По саду, заливаясь меж ветвей».
Так пела Осень у меня в гостях,
Но молча за угрюмые холмы
Ушла, златую ношу сбросив с плеч.

К ЗИМЕ

Зима, замкни алмазные врата!
На Севере уходит в глубь земли
Твой мрачный кров. Не сотрясай его,
Не гни подпор железной колесницей.

Не слышит! Над зияющею бездной
Несется тяжело, свой грозный скипетр
Воздев и стаю бурь спустив с цепи.
Окованы они ребристой сталью.

Но чу! Страшилище шагает — кожа
Да кости, — а под ним утесы стонут.
Вот-вот разденет землю, чтоб морозом
Дыханье жизни хрупкой умертвить.

Оно садится на скалу. Злосчастный,
Со штормом бьется мореход, пока
Улыбка небо озарит и рухнет
Чудовище в провалы Геклы с воем.

БЕЗУМНАЯ ПЕСНЯ

В клоках небосклон,
    Студеный и лютой.
Коснись меня, Сон,
    Печали распутай!
Но щурится заря,
    Восток животворя.
Щебетание утренних птах
Занялось в небесах.

И в полог угрюмый,
    В шатер небоската
Летят мои думы,
    Печалью чреваты,

Смуца́я но́чи слух
И́ взоры́ солнцу́ за́стя,
И́ все́ляют бе́зумную́ я́рость
В буше́ванье́ не́настья.

Как мо́рок, плыву́
И́ в туче́ рыдаю́.
Я но́чью живу́ —
Наутро́ истаю́.
К восто́ку спи́ной поверну́сь,
Прима́нкой́ его́ не прельщу́сь,
И́бо свет обжигает мой мозг,
Как распла́вленный воск.

К МУЗАМ

На склонах Иды затененных,
В чертогах, что Восток воздвиг, —
В покоях, солнцем напоенных,
Где песнопений смолк язык,

Вы обретаетесь, богини,
Иль в небесах, среди миров?
Иль в тех слоях, где воздух синий
Рождает музыку ветров?

Или под лоном вод зеркальных
Вы, девять богоравных дев,
Средь роц коралла, скал хрустальных
Сошлись, поэзию презрев?

Как вы могли забыть о чудной
Любви к певцам ушедших лет?
Ослабли струны, звуки скудны,
Нот мало, искренности нет!

ИГРА В ЖМУРКИ

Только снег разоденет Сусанну в меха
И повиснет алмаз на носу пастуха,
Дорога мне скамья пред большим очагом
Да огнем озаренные стены кругом.

Горою уголь громоздите,
А поперек бревно кладите.
И табуретки ставьте в круг
Для наших парней и подруг.

В бочонке эль темней ореха,
Любовный шепот. Взрывы смеха,
Когда ж наскучит болтовня,
Затеем игры у огня.

Девчонки шустрые ребят
Кольнуть булавкой норовят.
Но не в долгу у них ребята —
Грозит проказницам расплата.

Вот Роджер бровью подмигнул
И утащил у Долли стул.
И вот, не ждавшая подвоха,
Поцеловала пол дуреха!
Потом оправила наряд,
На Джона бросив томный взгляд.

Джон посочувствовал девчурке.
Меж тем играть решили в жмурки
И стали быстро убирать
Все, что мешало им играть.

Платок сложила Мэг два раза
И завязала оба глаза
Косому Виллу для того,
Чтоб он не видел ничего.

Чуть не схватил он Мэг за платье,
А Мэг, смеясь, к нему в объятья
Толкнула Роджера, но Вилл
Из рук добычу упустил.

Девчонки дразнят ротозея:
«Лови меня! Лови скорее!»
И вот, измаявшись вконец,

Бедняжку Кэт настиг слепец.
Он по пятам бежал вдогонку
И в уголок загнал девчонку.

— Попалась, Кэтти? Твой черед
Ловить того, кто попадет!
Смотри, вот Роджер, Роджер близко!.. —
И Кэтти быстро, словно киска,
В погоню кинулась за ним.
(Ему подставил ножку Джим.)

Надев платок, он против правил
Глаза свободными оставил.
И, глядя сквозь прозрачный шелк,
Напал на Джима он, как волк,
Но Джим ему не дался в руки
И с ног свалил малютку Сьюки.
Так не доводит до добра
Людей бесчестная игра!..

Но тут раздался дружный крик:
«Он видит, видит!» — крикнул Дик.
«Ай да слепец!» — кричат ребята.
Не спорит Роджер виноватый.

И вот, как требует устав,
На Роджера наложен штраф:
Суровый суд заставил плута

Перевернуться трижды круто.
И, отпустив ему грехи,
Вертушка Кэт прочла стихи,
Чтобы игру начать сначала.
«Лови!» — вертушка закричала.

Слепец помчался напрямик,
Но он не знал, что хитрый Дик
Коварно ждет его в засаде
На четвереньках — шутки ради.

Он так и грохнулся... Увы!
Все наши планы таковы.
Не знает тот, кто счастье ловит,
Какой сюрприз судьба готовит...

Едва в себя слепец пришел
И видит: кровью залит пол.
Лицо ощупал он рукою —
Кровь из ноздрей бежит рекою.
Ему раскаявшийся Дик
Расстегивает воротник,
А Сэм несет воды холодной.
Но все старанья их бесплодны.
Кровь так и льет, как дождь из туч,
Пока не приложили ключ
К затылку раненого. (С детства
Нам всем знакомо это средство!)

Вот что случается порой,
Когда плутуют за игрой.
Создать для плутовства препоны
Должны разумные законы.
Ну, например, такой закон
Быть должен строго соблюден:
Пусть люди, что других обманут,
На место потерпевших станут.

Давным-давно — в те времена,
Когда людские племена
На воле жили, — нашим дедам
Был ни один закон неведом.
Так продолжалось до тех пор,
Покуда не возник раздор,
И ложь, и прочие пороки, —
Стал людям тесен мир широкий.
Тогда сказать пришла пора:
— Пусть будет честная игра!

КОРОЛЬ ГВИН

Б а л л а д а

Внемлите песне, короли!
Когда норвежец Гвин
Народов северной земли
Был грозный властелин,
В его владеньях нищету
Обкрадывала знать.
Овду последнюю — и ту
Старалась отобрать.
«Не кормит нищая земля
Больных детей и жен.
Долой тирана-короля,
Пускай покинет трон!»

Проснулся Гордред между скал,
Тирана лютой враг,
И над землей затрепетал
Его мятежный стяг.

За ним идут сыны войны
Лавиною сплошной,
Как львы, сильны и голодны,
На промысел ночной.

Через холмы их путь лежит,
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились.

Идет толпа детей и жен
Из сел и деревень,
И яростью звучит их стон
В железный зимний день.

Звучит их стон как волчий вой.
В ответ гудит земля.
Народ идет за головой
Тирана-короля.

От башни к башне мчится весть
По всей большой стране:
«Твоих противников не счесть.
Готовься, Гвин, к войне!»

Норвежец щит подьѐмлет свой
И витязей зовет,
Подобных туче грозовой,
В которой гром живет.

Как плиты, что стоймя стоят
На кладбище немом,
Стоит бойцов безмолвный ряд
Пред грозным королем.

Они стоят пред королем,
Недвижны, как гранит,
Но вот один взмахнул копьем,
И сталь о сталь звенит.

Оставил земледелец плуг,
Рабочий — молоток,
Сменил свирель свою пастух
На боевой рожок.

Король войска свои ведет,
Как грозный призрак тьмы,
Как ночь, которая несет
Дыхание чумы.

И колесницы и войска
Идут за королем,
Как грозные облака,
Скрывающие гром.

— Остановитесь! — молвил Гвин
И указал вперед. —
Смотрите, Гордред-исполн
Навстречу нам идет!..

Стоят два войска, как весы,
Послушные судьбе.
Король, последние часы
Опущены тебе.

Настало время — и сошлись
Заклятых два врага,
И конница взметаёт ввысь
Сыпучие снега.

Вся содрогается земля
От грохота шагов.
Людская кровь поит поля —
И нет ей берегов.

Летают голод и нужда
Над грудой мертвых тел.
Как много горя и труда
Для тех, кто уцелел!

Король полки бросает в бой.
Сверкают их мечи
Лучом кометы огневой,
Блуждающей в ночи.

Живые падают во прах,
Как под серпом жнецов.
Другие бьются на костях
Бессчетных мертвецов.

Вот конь под всадником убит.
И падают, звеня,
Конь на коня, и щит на щит,
И на броню броня.

Устал кровавый бог войны.
Он сам от крови пьян.
Смердящий пар с полей страны
Восходит, как туман.

О, что ответят короли,
Представ на Страшный суд,
За души тех, что из земли
О мести вопиют!

Не две хвостатые звезды
Столкнулись меж собой,
Рассыпав звезды, как плоды
Из чаши голубой.

То Гордред, горный исполин,
Шагая по телам,
Настиг врага — и рухнул Гвин,
Разрублен пополам.

Исчезло воинство его.
Кто мог, живым ушел.
А кто остался, на того
Косматый сел орел.

А реки кровь и снег с полей
Умчали в океан,
Чтобы оплакал сыновей
Бурливый великан.

ПЕСНЯ МЕНЕСТРЕЛЯ

О сыновья троянских беглецов,
От ваших голосов громоподобных
На галльском небе облака сгустились
И в сумраке ужасного затмения
Явился алый диск, предвестник бурь,
Чреватых погребением народов.

Из Илиона вышли ваши предки
(Они, как львы пещер, на свет рычали,
Метали взоры молниям навстречу,
И греческая кровь играла в жилах)
В тяжелых шлемах, в боевых доспехах,
На утлых кораблях, разбитых ветром.

Они бросали якоря у скал,
И целовали берег Альбиона,
И причитали: «Матерью нам будь,
Вскорми, вспой нас и прими останки,
И стань гробницей сокрушенной Трои,
И дай в наследство города и троны».

Они пустились вплавь от кораблей.
Тогда со стороны донесся шум:
Чудовищные дети океана
Неслись навстречу от пещер и скал,
Ревели, словно львы, — но вдруг застыли,
Как лес густой, готовый к топору.

В доспехах медных в битву шли отцы.
Чудовища рванулись напролом,
Как пламя, провожаемое ветром,
Как молнии, рожденные раздором,
Как ниспадение раскаленных звезд
На ледяную пену океана.

И рухнули деревья с плоскогорья,
И капли крови дрогнули на листьях.
О, сколько бурь им отразить пришлось!
И ваши предки хмуро созерцали
Величье смерти, муки великанов,
Испуг в глазах, смертельный взлет бровей.

И вышел Брут. Отды, ему внимая,
На брегах меланхолии сидели.
И молвил Брут: «Непрочная волна,
Волна времен играет надо мной,
Но с будущим сотрудничает сердце:
Моим сынам покорно будет море.

Они протянут мощные крыла
С востока на закат и будут жить,
Не жалуясь и жалобам не внемля.
Они потомкам счастье принесут:
Здесь встанут города, и ветви яблонь
Надломятся под тяжестью плодов.

И юноши поднимутся на тронах,
И каждый обвенчается с любимой.
Они проснутся под бряцанье копий,
Победный марш им будет колыбельной,
Они построят замки на вершинах
И дочерей оружием оградят.

И на седые горы Альбиона
Придет голубоглазая свобода,
Возвышенная, встанет над волнами,
И мощное копье направит вдаль,
И крыльями огромными накроет
И подданных своих, и эту землю».

ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ,
ПОКАЗЫВАЮЩИЕ ДВА ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ
СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

Дул я в звонкую свирель.
Вдруг на тучке в вышине
Я увидел колыбель,
И дитя сказало мне:

— Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть? —
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.

— Кинь счастливый свой тростник.
Ты же песню сам пропой! —
Молвил мальчик и поник
Белокурой головой.

— Запиши для всех, певец,
То, что пел ты для меня! —
Крикнул мальчик наконец
И растаял в блеске дня.

Я перо из тростника
В то же утро смастерил,
Взял воды из родника
И землю замутил.

И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!

ПАСТУХ

Как завиден удел твой, пастух.
Ты встаешь, когда солнце встает,
Гонишь кроткое стадо на луг,
И свирель твоя славу поет.

Зов ягнят, матерей их ответ
Летним утром ласкают твой слух.
Стадо знает: опасности нет,
Ибо с ним его чуткий пастух.

ЗЕЛЕНОЕ АУ

Чу! солнце встает,
И чист небосвод.
Чу! колокола —
Весна к нам пришла.
Чу! стриж и снегирь,
Весенний псалтырь.
Чу! песни и звон
Друг дружке вдогон.
Раздвинем листву
С зеленым ау!

Вот гладкий пенек,
Сидит старичок.
Вот рядом другой.

Весенний покой.
Вот, глядя на нас,
Он начал рассказ:
«Вот так-то и мы
Плясали до тьмы.
Кидались в листву
С зеленым ау».

Но мальчик устал,
От старших отстал.
А из-за ветвей
Свет солнца слабей.
Эй, брат и сестра,
Домой вам пора!
Эй, крошка-птенец,
Усни наконец!
Покинем листву
С зеленым ау.

АГНЕЦ

Агнец, агнец белый!
Кем ты, агнец, сделан?
Кто пастись тебя привел
В наш зеленый вешний дол,
Дал тебе волнистый пух,
Голосок, что нежит слух?
Кто он, агнец милый?
Кто он, агнец милый?

Слушай, агнец кроткий,
Мой рассказ короткий.
Был, как ты, он слаб и мал.
Он себя ягненком звал.
Ты — ягненок, я — дитя.
Он такой, как ты и я.
Агнец, агнец милый,
Бог тебя помилуй!

ЧЕРНЫЙ МАЛЬЧИК

Мне жизнь в пустыне мать моя дала,
И черен я — одна душа бела.
Английский мальчик светел, словно день,
А я черней, чем темной ночи тень.

Учила мать под деревом меня
И, прерывая ласками урок,
В сиянье раннем пламенного дня
Мне говорила, глядя на восток:

— Взгляни на Солнце — там господь живет,
Он озаряет мир своим огнем.
Траве, зверям и людям он дает
Блаженство утром и отраду днем.

Мы посланы сюда, чтоб глаз привык
К лучам любви, к сиянию небес.
И это тельце, этот черный лик —
Ведь только тучка иль тенистый лес.

Когда глазам не страшен будет день,
Растает тучка. Скажет он: «Пора!
Покиньте, дети, лиственную сень,
Резвитесь здесь, у моего шатра!»

Так говорила часто мать моя.
Английский мальчик, слушай: если ты
Из белой тучки выпорхнешь, а я
Освобожусь от этой черноты, —

Я заслону тебя от зноя дня
И буду гладить золотую прядь,
Когда, головку светлую клоня,
В тени шатра ты будешь отдыхать.

ЦВЕТОК

Стриж! Цветы прозрели.
Видит нас цветок.
Так лети же
Ты, стрела без цели,
К тесной колыбели,
К сердцу ближе.

Милая касатка!
Сльшит нас цветок.
Так лети же
Плакать сладко-сладко,
Милая касатка,
К сердцу ближе.

МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Был я крошкой, когда умерла моя мать.
И отец меня продал, едва лепетать
Стал мой детский язык. Я невзгоды терплю,
Ваши трубы я чищу, и в саже я сплю.

Стригли давеча кудри у нас новичку,
Белокурую живо обстригли башку.
Я сказал ему: — Полно! Не трать своих слез.
Сажа, братец, не любит курчавых волос!

Том забылся, утих и, уйдя на покой,
В ту же самую ночь сон увидел такой:
Будто мы, трубочисты, — Дик, Чарли и Джим, —
В черных гробиках тесных, свернувшись, лежим.

Но явился к нам ангел, — рассказывал Том, —
Наши гробики отпер блестящим ключом,
И стремглав по лугам мы помчались к реке,
Смыли сажу и грелись в горячем песке.

Нагишом, налегке, без тяжелых мешков,
Мы взобрались, смеясь, на гряды облаков.
И смеющийся ангел сказал ему: «Том,
Будь хорошим — и бог тебе будет отцом!»

В это утро мы шли на работу впотьмах,
Каждый с черным мешком и метлою в руках.
Утро было холодным, но Том не продрог.
Тот, кто честен и прям, не боится тревог.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Где ты, отец мой? Тебя я не вижу,
Трудно быстрее мне идти.
Да говори же со мной, говори же,
Или собьюсь я с пути!»

Долго он звал, но отец был далёко.
Сумрак был страшен и пуст.
Ноги тонули в тине глубокой,
Пар вылетал из уст.

МАЛЬЧИК НАЙДЕННЫЙ

Маленький мальчик, устало бредущий
Вслед за болотным огнем,
Звать перестал. Но отец вездесущий
Был неотлучно при нем.

Мальчика взял он и краткой дорогой,
В сумраке ярко светя,
Вывел туда, где с тоской и тревогой
Мать ожидала дитя.

СМЕЮЩАЯСЯ ПЕСНЯ

В час, когда листва шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь,
И смеемся, даль взбудоражив, мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы,

И смеется рожь и хмельной ячмень,
И кузничик рад хохотать весь день,
И вдали звенит, словно гомон птиц,
«Ха-ха-ха! Ха-ха!» — звонкий смех девиц,

А в тени ветвей стол накрыт для всех,
И, смеясь, трещит меж зубов о р е х , —
В этот час приди, не боясь греха,
Посмеяться всласть: «Хо-хо-хо! Ха-ха!»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сон, сон, осени
Мое дитя в ночной тени.
Сны, сны, свет луны!
В тишине ручьи слышны.

Сон, сон пуховой!
Мил младенцу венчик твой.
Сон, сон, херувим
Над сокровищем моим.

Улыбнись, улыбнись,
Счастья моего коснись!
Я сама улыбнусь,
В сумрак нежный окунусь.

Вдох, вдох, голубок!
Сон младенческий глубок.
Я вздохну, улыбнусь,
Ни на миг не отвернусь.

Спи, спи в тишине!
Улыбнулся мир во сне.
Сладко спать, сладко спать!
Над тобою плачет мать.

Я в тебе что ни миг
Божий созерцаю лик.
И в Своем детском сне
Создатель плакал обо мне.

Обо мне, о тебе,
О человеческой судьбе.
Бог младенческих сердец,
Улыбается Творец.

Мне, земле, небесам.
Тот, кто стал младенцем Сам,
Улыбается с тобой,
Миру даровав покой.

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

Добро, Смиренье, Мир, Любовь —
Вот перечень щедрот,
Которых каждый человек,
Моя и плача, ждет.

Добро, Смиренье, Мир, Любовь
Познал в себе Творец,
Добро, Смиренье, Мир, Любовь
Вложил в детей Отец.

И наше сердце у Добра,
И наш — Смиренья взгляд,
И в нашем образе — Любовь,
Мир — наш нательный плат.

Любой из нас, в любой стране,
Зовет, являсь на свет,
Добро, Смиренье, Мир, Любовь —
Иной молитвы нет.

И нехристь — тоже человек,
И в том любви залог:
Где Мир, Смиренье и Любовь, —
Там, ведомо, сам Бог.

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Куда идут ряды детей, умытых, чистых, ясных,
В нарядных платьях — голубых, зеленых, синих, красных,³
Седые дядьки впереди. Толпа течет под своды
Святого Павла, в гулкий храм, шумя, как Темзы воды.

Какое множество детей — твоих цветов, столица!
Они сидят над рядом ряд, и светятся их лица.
Растет в соборе смутный шум, невинный гул ягнят.
Ладони подняты у всех, и голоса звенят.

Как буря, пенье их летит вверх из пределов тесных,
Гремит, как гармоничный гром среди высот небесных.
Седые пастыри внизу. Лелейте же сирот,
Чтоб добрый ангел не ушел от запертых ворот.

НОЧЬ

Заходит солнце, и звезда
Сияет в вышине.
Не слышно песен из гнезда.
Пора уснуть и мне.
Луна цветком чудесным
В своем саду небесном
Глядит на мир, одетый в тьму,
И улыбается ему.

Прощайте, рощи и поля,
Невинных стад приют.
Сейчас, травы не шевеля,
Там ангелы идут

И льют благословенье
На каждое растенье,
На почку, спящую пока,
И чашу каждого цветка.

Они хранят покой гнезда,
Где спят птенцы весной,
И охраняют от вреда
Зверей в глуши лесной.
И если по дороге
Услышат шум тревоги,
Печальный вздох иль тяжкий стон,
Они несут страдальцам сон.

А если волк иль мощный лев
Встречается в пути,
Они спешат унять их гнев
Иль жертву их спасти.
Но если зверь к мольбам их глух,
Невинной жертвы кроткий дух
Уносят ангелы с собой
В другое время, в мир другой.

И там из красных львиных глаз
Прольются капли слез,
И будет охранять он вас,
Стада овец и коз,

И скажет: «Гнев — любовью,
А немощи — здоровьем
Рассеяны, как тень,
В бессмертный этот день.

Теперь, ягненок, я могу
С тобою рядом лечь,
Пастись с тобою на лугу
И твой покой беречь.
Живой водой омылся я,
И грива пышная моя,
Что всем живым внушала страх,
Сияет золотом в лучах».

ВЕСНА

Чу, свирель!
Смолкла трель...
Соловей —
Меж ветвей.
Жаворонок в небе.
Всюду птичий щебет.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Рады все на свете.
Радуются дети.
Петух — на насесте.
С ним поем мы вместе.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Милый мой ягненок,
Голосок твой тонок.
Ты ко мне, дружок, прильни,
Язычком меня лизни.
Дай погладить, потрепать
Шерстки шелковую прядь.
Дай-ка поцелую
Мордочку смешную.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

НЯНЮШКИНА ПЕСНЯ

Когда детвора резвится с утра,
На холмы поднимаясь бегом,
Спокойно мне в моей тишине,
И все спокойно кругом.

«Домой, детвора, теперь нам пора.
На закате роса холодна.
Пора, детвора! Домой до утра!
Гулять нам нельзя дотемна».

«Нет, еще не пора! И в разгаре игра,
И солнце еще не зашло.
В небе множество птах, и стада на холмах.
И по-прежнему в мире светло!»

«Хорошо, детвора, правда, спать вам пора,
Не померк еще радостный свет!»
От холма до холма крики, смех, кутерьма,
Так что эхо смеется в ответ.

ДИТЯ-РАДОСТЬ

— Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.

— Как же тебя назову?
— Радуюсь я, что живу.
Радостью — так и зови меня!

Радость моя —
Двух только дней, —
Радость дана мне судьбою.

Глядя на радость мою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!

СОН

В изголовье Ангел встал,
А во сне я увидел,
Что лежу на травке я
И гляжу на муравья.

А несчастный муравей,
Как в лесу, бредет в траве,
Жалок, мал и одинок.
Вот что, плача, он изрек:

«Дети! ищите ль отца,
Окликая без конца?
Ах! оставьте поиск свой.
Сироты, пора домой!..»

Я заплакал: вот бедняк.
Вдруг, смотрю, спешит светляк,
Молвя: «Хватит! это мы!
Кто тревожит Стража тьмы?»

Я Светляк, со мною Жук,
Я емь свет, а он есть звук,
Поспеш на звук и свет —
Охраним тебя от бед!»

О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

Разве ближних вам не жаль,
Если их гнетет печаль?
Зная ближнего мученья,
Кто не ищет облегченья?

Можно ль, видя слез ручьи,
Не прибавить к ним свои?
И кого из вас не тронет,
Если сын ваш тяжело стонет?

И какая может мать
Вместе с крошкой не страдать?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Как же тот, кто всем отец,
Видит скорбь твою, птенец?
Как всевидящий и чуткий
Может слышать стон малютки

И не быть вблизи гнезда,
Где тревога и нужда,
И не быть у той кровати,
Где ребенок в лихорадке?

Не сидеть с ним день и ночь,
Не давая изнемочь?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Он дает отраду нам,
Он младенцем был и сам,
Сам изведal он печаль,
И ему страдальцев жаль.

Разве слабый детский стон
С высоты не слышит он?
Разве каждый вздох людской
Не встречает он с тоской?

Он стремится нам помочь.
Наши скорби гонит прочь,
А пока их не прогонит,
Он и сам от скорби стонет.

ПЕСНИ ПОЗНАНИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

Слушайте голос Певца!
Песня его разбудит
Ваши сердца
Словом Творца —
Слово было, и есть, и будет.

Заблудшие души Оно зовет,
Вопия над росой вечерней,
А черн небосвод —
Вновь звезды зажжет,
Мир вырвет из тьмы дочерней!

«Вернись, о Земля Светла,
Мрак отряхая росный!

Ночь дряхла,
Рассветная мгла
Брезжит в трясине косной.

Не исчезай никогда!
Что тебе здесь неймется?
В небе звезда,
В море вода —
Мало ль чего найдется».

ОТВЕТ ЗЕМЛИ

Но тяжело во мрак
Смотрит Земля слепая.
Свет иссяк!
Камень и прах!
В горе склонилась глава седая.

«Море меня сдавило.
Зависть звезд извела.
Как могила,
Мне тело изрыла
Ярость Отца Мирового Зла.

Низкий себялюбец Творец!
Злобный завистник Страх!

Утру обещанная,
Обещана,
Стонет на дыбе Невинность в цепях!

Вешнему ветру нельзя не веять,
Почкам — не набухать.
Может ли сеять
Ночью сеять,
Пахарь — во тьме пахать?

Холод звездных оков ледяной
Кости мои пронзил.
Страшный! злой!
Любуясь собой,
Радость и рабство ты слил».

КОМ ЗЕМЛИ И КАМЕНЬ

— Не себялюбца Любовь:
Готова претерпеть беду,
Пролить слезу, порою кровь...
С любовью счастье — и в аду! —

Так пел беспечный Ком Земли.
Вдруг — Лошадь. И копытом — трах!
И Камень, притаясь в пыли,
Передразнил в таких стихах:

— Нет, себялюбца Любовь:
Готовит всем беду свою —
Те слезы льют, порою — кровь;
С любовью — горе и в раю!

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Чем этот день весенний свят,
Когда цветущая страна
Худых, оборванных ребят,
Живущих впроголодь, полна?

Что это — песня или стон
Несется к небу, трепеща?
Голодный плач со всех сторон.
О, как страна моя нища!

Видно, сутки напролет
Здесь царит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы, —
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

ЗАБЛУДШАЯ ДОЧЬ

Днесь провижу я:
Сон стяхнет земля
(В глубине души
Это запиши),

Чтобы наконец
Найден был Творец
И в пустыне сад
После всех утрат.

В дальней той стране,
Где нет конца весне,
Девочка лежит
Лет семи на вид.

Лица долго шла.
Птицам нет числа.
Голоса в глуши
Дивно хороши.

«Слышу в тишине:
Плачут обо мне
И отец и мать.
Как мне задремать?»

Наступила ночь.
В пустыне ваша дочь.
Разве можно спать,
Если плачет мать?»

Лице не до сна,
Если мать грустна.
Если дремлет мать,
Можно мне поспать.

Сумрачная ночь!
Лице спать невмочь.
Глядя на луну,
Я глаза сомкну».

К ней приходит сон,
И со всех сторон
Собралось над ней
Множество зверей.

Старый пляшет лев,
Лику разглядев.
Лес ликует весь:
Место свято здесь.

И вокруг нее
Кроткое зверье,
Так что лев-старик
Перед ней поник.

Он лизал ее,
Он лобзал ее.
Алая слеза
Зверю жжет глаза.

В умиление лев.
Девочку раздев,
Львица в темный грот
Спящую берет.

ОБРЕТЕННАЯ ДОЧЬ

И отец и мать
Вышли дочь искать.
В долах ни души.
Рыдания в глуши.

Ищут наугад,
Плачут и кричат.
Семь печальных дней
Они в разлуке с ней.

Семь ночей подряд
Во тьме пустынной спят.
В тех местах глухих
Сон морочит их.

Будто слабый крик
В душу к ним проник.
Лица голодна,
Измучена, бледна.

Истомилась мать
И не в силах встать.
Муж помог жене
В безлюдной той стране.

Немощную нес,
Ослабев от слез,
Шел едва-едва.
Вдруг он видит льва.

Гривой лев трясет.
Слабых кто спасет?
Перед грозным львом
Падают ничком.

Зверь обнюхал их
И, вздохнув, притих.
Нет, не растерзал, —
Руки облизал.

Подняли глаза.
Минула гроза.
Дух глазам предстал,
Золотом блистал.

В золотой броне,
Словно весь в огне.
Волосы до плеч.
Царственная речь:

— Следуйте за мной
В мой чертог земной.
Лица ваша в нем
Спит глубоким сном.

В заповедный грот
Видение ведет.
Спать среди зверей
Девочке теплей.

Там живут они
До сих пор одни,
Не страшась волков
И свирепых львов.

МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Мальшчума зый, — в метель, в мороз, —
На гребне крыши ослеп от слез.
— Куда ушли вы, отец и мать?
— Молиться богу, спасенья ждать.

— Не унывал я июльским днем,
Не горевал я в метель, в мороз.
Мне сшили саван вы, мать с отцом,
На гребне крыши, в юдоли слез.

Не унываю — пляшу, пою, —
А вы и рады: работа впрок.
Весь день на небе — да не в раю.
В раю — священник, король и бог.

НЯНЮШКИНА ПЕСНЯ

Когда детвора резвится с утра
И слышится шепот в тени,
Как больно мне вспоминать в тишине
Мои минувшие дни!

Пора возвращаться домой, детвора!
На закате роса холодна.
Затянулась игра, и узнать вам пора,
Как зима ледяная темна.

БОЛЬНАЯ РОЗА

О роза, ты больна!
Во мраке ночи бурной
Разведал червь тайник
Любви твоей пурпурной.

И он туда проник,
Незримый, ненасытный,
И жизнь твою сгубил
Своей любовью скрытной.

МУХА

Бедняжка муха,
Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.

Я — тоже муха:
Мой краток век.
А чем ты, муха,
Не человек?

Вот я играю,
Пою, пока
Меня слепая
Сметет рука.

Коль в мысли сила,
И жизнь, и свет,
И там могила,
Где мысли н е т , —

Так пусть умру я
Или ж и в у , —
Счастливой мухой
Себя зову.

АНГЕЛ

Мне снился сон — престранный сон!
Безмужней я вошла на трон,
Лишь кроткий ангел был со мной —
Беспомощный заступник мой.

И день и ночь мой крик звучал,
А он мне слезы утирал;
О чем — и ночь и день — мой крик,
Я скрыла, ангел не постиг.

Он улетел в рассветный час,
И тыщи копий и кирас
Я верным страхам раздала,
А плакать — больше не могла.

Вернулся вскоре ангел мой —
Страх не пускает в мой покой, —
И не увидит никогда,
Что голова моя седа.

ТИГР

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чаши,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлел огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной, —
Улыбнулся ль, наконец,
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чаши!
Чьей бессмертной рукой
Создан грозный образ твой?

МОЙ РОЗОВЫЙ КУСТ

Я увидел цветок. Он, маня,
Как в невиданном мае, расцвел.
«Есть розовый куст у меня», —
Я подумал и мимо прошел.

День и ночь, не ведая сна,
Я лелеял бы розу мою.
Но ревниво замкнулась она —
Лишь колючки ее познаю.

АХ! ПОДСОЛНУХ!

Ах! подсолнух! что за жребий —
Мерить солнца шаг дневной
И грустить о знойном небе
Над блаженною страной,

Где, бежав от льда и злобы,
Отрок с девою, чисты,
Зрят, пустые кинув гробы,
Край, которым бредишь ты.

ЛИЛИИ

Шипы для защиты испытаны Розой.
Своей красоты не пятнают угрозой
В любовном вселили лишь белые Лилии,
Восторженно льющие свой блеск в изобилии.

САД ЛЮБВИ

Я увидел в Саду Любви,
На зеленой лужайке, — там,
Где, бывало, резвился я, —
Посредине стоящий Храм.

Я увидел затворы его,
«Ты не должен!» — прочел на вратах.
И взглянул я на Сад Любви,
Что всегда утопал в цветах.

Но, вместо душистых цветов,
Мне предстали надгробья, ограды
И священники в черном, вязавшие тёрном
Желанья мои и отрады.

МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯЖКА

Ах, маменька, в церкви и холод и мрак.
Куда веселей придорожный кабак.
К тому же ты знаешь повадку мою —
Такому бродяжке не место в раю.

Вот ежели в церкви дадут нам винца
Да пламенем жарким согреют сердца,
Я буду молиться весь день и всю ночь.
Никто нас из церкви не выгонит прочь.

И станет наш пастырь служить веселей.
Мы счастливы будем, как птицы полей.
И строгая тетка, что в церкви весь век,
Не станет пороть малолетних калек.

И бог будет счастлив, как добрый отец,
Увидев довольных детей наконец.
Наверно, простит он бочонок и черта
И дьяволу выдаст камзол и ботфорты.

ЛОНДОН

По вольным улицам брожу,
У вольной издавна реки.
На всех я лицах нахожу
Печать бессилья и тоски.

Мужская брань, и женский стон,
И плач испуганных детей
В моих ушах звучат, как звон
Законом созданных цепей.

Здесь трубочистов юных крики
Пугают сумрачный собор,
И кровь солдата-горемыки
Течет на королевский двор.

А от проклятий и угроз
Девчонки в закоулках мрачных
Чернеют капли детских слез
И катафалки новобрачных.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ

Была бы жалость на земле едва ли,
Не доводи мы ближних до сумы.
И милосердя люди бы не знали,
Будь и другие счастливы, как мы.

Покой и мир хранит взаимный страх.
И себялюбье властвует на свете.
И вот жестокость, скрытая впотьмах,
На перекрестках расставляет сети.

Святого страха якобы полна,
Слезами грудь земли поит она.
И скоро под ее зловещей сенью
Ростки пускает кроткое смиренье.

Его покров зеленый распростер
Над всей землей мистический шатер.
И тайный червь, мертвящий все живое,
Питается таинственной листвою.

Ою приносит людям каждый год
Обмана сочный и румяный плод.
И в гуще листьев, темной и тлетворной,
Невидимо гнездится ворон черный.

Все наши боги неба и земли
Искали это дерево от века.
Но отыскать доныне не могли:
Ою растет в мозгу у человека.

ДИТЯ-ГОРЕ

Мать в слезах. Отец взбешен.
Страшный мир со всех сторон.
Затаюсь, нелеп и наг,
Словно дьявол в пеленах.

То в руках отцовских хватких
Я забьюсь в бесовских схватках,
То угрюмый взор упру
В мир, что мне не по нутру.

ДРЕВО ЯДА

В ярость друг меня привел —
Гнев излил я, гнев прошел.
Враг обиду мне нанес —
Я молчал, но гнев мой рос.

Я таил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.

Рос он ночью, рос он днем.
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.

Темной ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Ядом скованный моим.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Нельзя любить и уважать
Других, как собственное я,
Или чужую мысль признать
Гораздо большей, чем своя.

Я не могу любить сильнее
Ни мать, ни братьев, ни отца.
Я их люблю, как воробей,
Что ловит крошки у крыльца».

Услышав это, духовник
Дитя за волосы схватил
И поволок за воротник.
А все хвалили этот пыл.

Потом, взобравшись на амвон,
Сказал священник: «Вот злодей!
Умом понять пытался он
То, что сокрыто от людей!»

И не был слышен детский плач,
Напрасно умоляла мать,
Когда дитя раздел палач
И начал цепь на нем ковать.

Был на костре — другим на страх —
Преступник маленький сожжен...
Не на твоих ли берегах
Все это было, Альбион?

ЗАБЛУДШАЯ ДЕВОЧКА

*Дети будущих веков!
Из разгневанных стихов
Вы узнаете о том,
Что Любовь была грехом.*

В веке золотом,
Светом залитом, —
Вечная весна
И как снег ясна
Юных тел нагая белизна.

Она, она — юны,
Нежных дум полны.
Хорошо двоим

Утром золотым,
Утром, вечным светом залитым.

В утренней тиши
В кущах ни души:
Не глядит отец,
Не спешит гонец, —
Уна внемлет трепету сердец.

Восстают из трав,
Радостно устав;
Новой встречи ждут
В час, как все уснут,
В час, когда лишь странники бредут.

И, как снег светла,
В дом к отцу вошла.
Бел отец как лед,
Полн святых забот,
Он взглянул — и страх ее трясет.

«Дочь, как ты бледна!
Уна, ты больна?
О, потоки слез!
Гибельный вопрос
Рвет, как вихрь, цветы седых волос!»

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

Сердце людское — в груди Бессердечья;
Зависть имеет лицо человечесьё;
Ужас рождается с людскою статью;
Тайна рядится в людское платье.

Платье людское подобно железу,
Стать человечесья — пламени горна,
Лик человечесий — запечатанной печи,
А сердце людское — что голодное горло!

ШКОЛЬНИК

Люблю я летний час рассвета.
Щебечут птицы в тишине.
Трубит в рожок охотник где-то.
И с жаворонком в вышине
Перекликаться люблю мне.

Но днем сидеть за книжкой в школе —
Какая радость для ребят?
Под взором старших, как в неволе,
С утра усаженные в ряд,
Бедняги школьники сидят.

С травой и птицами в разлуке
За часом час я провожу.

Утех ни в чем не нахожу
Под ветхим куполом науки,
Где каплет дождик мертвой скуки.

Поет ли дрозд, попавший в сети,
Забыв полеты в вышину?
Как могут радоваться дети,
Встречая взаперти весну?
И никнут крылья их в плену.

Отец и мать! Коль ветви сада
Ненастным днем обнажены
И шелестящего наряда
Чуть распутившейся весны
Дыханьем бури лишены, —

Придут ли дни тепла и света,
Тая в листве румяный плод?
Какую радость даст нам лето?
Благословим ли зрелый год,
Когда зима опять дохнет?

К ТИРЗЕ

Рожденный Матерью Земной
Опять смешается с Землей;
Став прахом, станет Персть равна —
Так что же мне в тебе, Жена?

Восстав из Спеси и Стыда,
Два Пола пали в Никуда;
Но Смерть до Сна низведена —
Два Пола встали после сна.

Мать Смертной Участи Моей!
Дарительница Всех Скорбей!
Замазала твоя слеза
Мне Ноздри, Уши и Глаза,

Мне Косным сделала Язык.
На смерть я из Тебя возник!
Душа Голгофой спасена —
Так что же мне в тебе, Жена?

ГОЛОС ДРЕВНЕГО БАРДА

Придите, молодые!
Уже заря зажглась,
И правда родилась.
Скрылись тени вековые,
Мудрствования пустые.
Лабиринтом вырос бред.
От корней проходу нет.
Многие споткнулись там,
Блуждая по костям во мраке до зари.
Плетутся с горем пополам,
Себя вожжами мнят, а им самим нужны
поводыри.

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ»
(1793)

* * *

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользя,
Тихий и незримый.

Я сказал, я все сказал,
Что в душе таилось.
Ах, любовь моя в слезах,
В страхе удалась.

А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя
Завладел любимой.

* * *

Вора просил я персик украсть.
Мне был молчаливый отказ.
Стройную даму просил я возлечь —
Но брызнули слезы из глаз.

Тут ангел вору
Моргнул, а гибкой
Леди поклон
Отвесил с улыбкой,

И овладел,
Между шуткой и делом,
Дамой податливой,
Персиком спелым.

* * *

Я храм увидел золотой —
И оробел. Он был открыт,
И тьма народа перед ним
Молилась, плакала навзрыд.

Увидел я змею меж двух
Колонн, сверкавших белизной.
Сбив створки с петель золотых,
Она вползла в проем дверной.

В рубинах, перлах гладкий пол
Раскинулся, как жар горя.
А склизкая ползла, ползла
И доползла до алтаря.

На вино и хлеб святой
Изрыгнула яд змея.
Я вернулся в хлев свиной.
Меж свиней улегся я.

ДИТЯ-ГОРЕ

Мать в слезах. Отец взбешен.
Страшный мир со всех сторон.
Затаюсь, нелеп и наг,
Словно дьявол в пеленах.

То в руках отцовских хватких
Я забьюсь в бесовских схватках,
То угрюмо взор упру
В мир, что мне не по нутру.

Но поняв, что грудь — суха,
Я затих: тоска — тиха.
Но поняв: тоска бессильна,
Улыбаться стал умильно.

Я, затихши в жалкой зыбке,
Раздавал свои улыбки;
Спрыгнул и пошел потом,
Наслаждением влеко.

И увидел я отрадные
Кущи, гроздя виноградные,
Мне деревья и кусты
Сыпали свои цветы...

И тогда отец мой скучный,
Пятикнижья чтец послушный,
Проклял сына и связал,
К древу мирта приковал.

* * *

Я слышал ангела пенье,
А день стоял — загляденье:
«Жалость, Согласье, Благость
Превозмогут любую тягость!»

Он пел, исполняя свой долг,
Над скошенным сеном — и смолк
После заката, когда
Бурой казалась скирда.

Над дроком и вереском, братья,
Я дьявола слышал заклатья:
«Толк о Благости вреден,
Коль скоро никто не беден.

Кто счастлив, как наше сословье,
Тем Жалость — одно пустословье!»
От заклятья солнце зашло,
Небес помрачнело чело,

И ливень хлынул с неба
На копны сжатого хлеба.
Пришла нищета в одночасье,
С ней — Благость, Жалость, Согласье.

* * *

Страшился я: мой вихрь убьет
Прекрасный и невинный цвет.
Но солнце с неба льет и льет
Поток лучей, а ветра нет.

Когда настал цветенья час,
Лишь пустоцвет густой-густой
Все рос да рос и тешил глаз
Бесплодной, лживой красотой.

ПОД МИРТОВЫМ ДРЕВОМ

Древо мирта, отчего я
Связан узами с тобою?
Как любви — самой свободе —
На одном цвести угодье?

Гнет блаженству не союзник.
Плохо нам с тобой, союзник.
Как навоз, лежу в пыли
На твоём клочке земли.

Древо плакало: протрется
Цепь, я плакал: не порвется.
А родитель хохотал:
Все про нас и цепь он знал.

Я убил отца, и корни,
Кровью политые, черны.
Вытерпевши столько лет —
Сам теперь и стар и сед.

* * *

— Зерна у тебя в подоле,
Благодатен этот край.
Что ж ты не засеешь поле
И не снимешь урожай?

— Я зарою их в песок бесплодный.
Там создам я край свой плодородный.
На другой земле нельзя
Сеять мне, доколе
От зловонных сорняков
Не очищу поле!

* * *

О чибис! Ты видишь внизу пустополе.
Тенета развешаны там на приволье.
Ты мог бы над спеющей нивой носиться:
Сетей не раскинут, где хлеб колосится!

НИЧЬЕМУ ПАПЕ

Отец придирчивый! Зачем
Ты в облаках, высоко,
Скрываешься, незрим и нем,
От ищущего ока?

Зачем твой сумрачный закон,
Язык твой темный, полный гнева,
Нам повелят вкушать плоды
Не с древа, — у змеи из зева?

Ужели оттого, что к тайности
Отзывчив женский пол до крайности?

ПЕСНЯ ДИКОГО ЦВЕТКА

Меж листьев зеленых
Ранней весной
Пел свою песню
Цветик лесной:

— Как сладко я спал
В темноте, в тишине,
О смутных тревогах
Шептал в полусне.

Раскрылся я, светел,
Пред самую зорькой,
Но свет меня встретил
Обидою горькой.

МЯГКИЙ СНЕГ

Бродил я однажды по зимним тропинкам.
— Со мной поиграйте! — сказал я снежинкам.
Играли — и таяли... Их поведенью
Зима ужасалась, как грехопаденью.

ПРОРОЧЕСТВО МЕРЛИНА

Деревья зимой зацветут, взойдут из-под снега посевы,
Когда повстречаются две целомудренных девы.
Но сперва короля и попа стреножьте веревкой единой,
Чтобы встретилась дева невинная с девой невинной.

ДЕНЬ

Восходит солнце на востоке.
Кровь, золото — вот его наряд!
Вокруг вскипает гнев жестокий.
Мечи и копыта там горят.
Венец его и знаки царской власти —
Огни войны, воинственные страсти.

ТЕМЗА И ОГАЙО

Чем обязан я вам, — если с Темзы вы родом, —
И коварным, отмеченным Хартией, водам?
Разве должен терять я присутствие духа
От всего, что вдувает наушник мне в ухо?

Берегов этих лживых я был уроженцем
И в бесчестных волнах искупался младенцем,
Смой, Огайо, с меня эту мутную воду!
Я родился рабом, но познаю свободу.

* * *

Пламень волос и румяную плоть
Песком Воздержанье заносит.
Утоленных желаний цветущая ветвь
На сыпучем песке плодоносит.

* * *

Схватив за вихор прежде времени случай,
Заплачешь слезами раскаянья.
Но, миг проморгав подходящий, — не мучай
Себя: нет причин для отчаянья.

ЛЕТУЧАЯ РАДОСТЬ

Кто удержит радость силою,
Жизнь погубит легкокрылую.

На лету целуй ее —
Утро вечности твое!

ВОПРОС И ОТВЕТ

Расскажите-ка мне, что вы видите, дети?

— Дурака, что попался религии в сети.

БОГАТСТВО

Веселых умов золотые крупинки,
Рубины и жемчуг сердец
Бездельник не сбудет с прилавка на рынке,
Не спрячет в подвалы скупец.

РАЗГОВОР ДУХОВНОГО ОТЦА
С ПРИХОЖАНИНОМ

- Мой сын, смирению учитесь у овец!..
- Боюсь, что стричь меня вы будете, отец!

ИСКАТЕЛЬНИЦЕ УСПЕХА

Вся ее жизнь эпиграммой была,
Тонкой, тугой, блестящей,
Сплетенной для ловли сердец без числа
Посредством петли скользящей.

* * *

Леность и обман блаженный —
Красоты наряд бесценный.

* * *

«Двери настежь, парижские бордели!
Пусть зараза по городу летит,
С голытьбою обвенчана судьбою», —
Королева Франции велит.

Король со золотого ложа слетел,
То услышав, чего знать не хотел:
«Вставай, народ, труба зовет,
Не то все до крошки Голод сожрет!»

И вот Король дал великий обет:
«Приязни в кровавых казнях нет,
Но бунтовщикам я воли не дам —
На плаху полягут ко всем чертям!»

И вот Не Породивший Сына отец
Съел, рыгнул и раскашлялся под конец:
«Обожаю войны, повешения, четвертования,
Смакую каждый кусок страдания.
Набили оскомину благодарственные завывания,
Предпочитаю выслушивать поношения
И выкушивать многотысячные жертвоприношения!»

Щер Земной Антуанетта взяла, —
Зараза из платья ее плыла.
К земле клонилась наша добрая Королева —
Лизоблюдями отягощенное древо.

Увидел верный Лафайет
Жест властный Короля —
И голод Францию объял,
И вымерли поля.

Услышал верный Лафайет
Антуанетты смех —
Зараза вспыхнула в стране,
Затронув вся и всех.

Увидел верный Лафайет
В цепях сию Чету —
И с тихим плачем стал не Палач им,
А Сторож на посту.

Ты был менялой, Лафайет,
Но барыши пропали:
Ты сострадания слезу
Променял на слезы печали.

Кто променяет свой очаг
На черный чужой порог?
Кто променяет пшеничный хлеб
На тюремный замок?

Кто ж пожалеет ураган
И ливневый поток?
Кто ж променяет свое дитя
На пса, что в пути промок?

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТИ»
(1800—1803)

ПРИЗРАК И ЭМАНАЦИЯ

Мой Призрак день и ночь теперь
Следит за мной, как хищный зверь,
А Эманация — мой грех
Оплакивает горше всех.

В бездонной глубине, в бескрайней,
Блуждаем втайне, плачем втайне.
Под вихрем, воющим в алчбе,
Крадется Призрак мой к тебе —

Узнать, обнюхивая снег,
Куда отправишь ты свой бег.
Сквозь частый дождь и зимний град,
Когда воротиться назад?

В гордыне, ты затмила бурей
Блеск утренней моей лазури.
Ночь, — с ревностью и неприязнью, —
Слезами кормишь и боязнью.

Семь раз любовь мою сразил
Твой нож, семь мраморных могил
Я воздвигал, с холодным страхом,
И хмуро слезы лил над прахом.

И семь еще осталось милых:
Они рыдают на могилах.
И семь любимых, не тревожа
Мой сон, жгут факелы у ложа.

Мне семь возлюбленных, в постели,
На скорбный лоб венок надели
Из виноградных лоз и, в жалости,
Прощают все грехи — до малости!

Когда, сменив на милость гнев,
Вернешься — оживить семь дев?
Ответь, когда вернешься ты
Для всепрощенья и доброты?

«Не вернусь, — не жди и ведай:
Я горю одной победой!
Живой, — мне быть твоею милой,
А мертвой, — быть твоей могилой!

Сквозь небо, землю, рай и ад
Помчусь вдогон — мне нет преград!
Дни и ночи напролет
Длиться будет мой полет».

Мой долг — избавиться от власти
Гееннской рощи, женской страсти,
Затем чтоб Вечности порог
Достоинно преступить я мог.

Не дам тебе насмешки множить!
Тебя я должен уничтожить
И, сотворив другую стать,
Слугу судьбы моей создать.

Покончим оба, по условию,
С гееннской рощей и с любовью
И узрим, вне ее игры,
Блаженной Вечности миры.

Нам жить — в прощенье обоюдном.
Не так ли в поученье чудном
Спасителем изречено?
«С е х л е б , — с к а з а л о н , — с е в и н о ».

* * *

Пока не женимся, сказать мы не сумеем,
Не клеены ли у жены колени клеєм.

О ДЕВСТВЕННОСТИ ДЕВЫ МАРИИ
И ДЖОАННЫ САУСКОТТ

Содеяли с нею добро или зло?
Не знает сама; безмятежно чело.
И некому это поставить в укор:
Ничья тут заслуга, ничей тут позор.

* * *

Живей, Вольтер! Смелей, Руссо!
Бушуй, бумажная гроза!
Вернется по ветру песок,
Что нам швыряете в глаза.

Песчинка каждая — алмаз,
Когда в ней блещет луч небес...
Насмешники! для ваших глаз
Несть в нашей Библии чудес!

Придумал атом Демокрит,
Ньютон разъял на части свет...
Песчаный смерч Науки спит,
Когда мы слушаем Завет.

<УПРО>

Ища тропинки на Закат,
Пространством тесным Гневных Врат
Я бодро прохожу.
И жалость кроткая меня
Ведет, в раскаянье стена.
Я проблеск дня слежу.

Мечей и копий гаснет бой
Рассветной раннею порой,
Залит слезами, как росой.
И солнце, в радостных слезах.
Преодолев свой тяжкий страх
Сияет ярко в небесах.

ИЗ «МАНУСКРИПТА ПИКЕРИНГА»
(1800—1803)

УЛЫБКА

Есть Улыбка Любви,
Есть Улыбка притворной Личины,
Есть Улыбка Улыбок —
В ней обе Улыбки едины.

Есть Ухмылка Вражды,
Есть Ухмылка Презренья,
Есть Ухмылка Ухмылок,
От которой не знают забвенья,

Ибо в струпях душа от нее
И нутро в несчислимых увечьях;
Но единой Великой Улыбке
Суждено на устах человеческих

Единожды вспыхнуть в пути
От Колыбели до Гроба;
Но достаточно ей расцвести —
И впадает в ничтожество Злоба.

ЗЛАТАЯ СЕТЬ

Три девы в предрассветный час:
«Куда ты, юноша, от нас?
О горе, горе!» Из очей
У каждой хлынул слез ручей.
Одна — огнем одела стан,
Другой — наряд железный дан.
На третьей — полное сиянья,
Из слез и вздохов одеянье.
И сеть из пряжи золотой
Несут, рыдая, в лес густой.
Заплакав с ними, я узрел
Любви и Красоты удел:
Они двойным огнем палимы.
Желанья их неутолимы.

До слез я жаждал им помочь, —
Одетым в слезы день и ночь.
Тут вызвал я у них улыбку,
Что небеса ввела б в ош и б ку, —
Улыбку, что златую сеть
Заставила, как пух, взлететь
И захлестнуть начало дней
Моих, чтоб я блуждал под ней.
Взываю к Ярому Огню,
Мою Железную Броню,
Слезам и Вздохам говорю:
— Когда увижу я зарю?

СТРАНСТВИЕ

Я странствовал в Стране Людей,
Я был в Стране Мужей и Жен —
И лютый страх застыл в глазах,
В ушах остался с тех времен.

Там тяжкий труд — Зачать Дитя,
Забава Праздная — Рожать;
Так нам легко собирать плоды,
Но тяжело сеять и сажать.

Дитя же, если это Сын,
Старухе Дряхлой отдадут,
И та, распяв его гвоздем,
Собирает крик в золотой сосуд.

Язвит терновником Чело,
Пронзает Ногу и Ладонь,
И Сердце, грудь ему разъяв,
Кидает в прорубь и в огонь.

«Тут больно? — и щ е т . — Тут? а тут?»
В находке каждой — торжество.
Растет он в муках, а она
Лишь молодеет оттого.

И вот он — строен и кровав.
И дева с ужасом в глазах.
И, путы сбросив, он ее
Берет — всю в путах и в слезах.

«Тут больно? — и щ е т . — Тут? а тут?»
Ведет, как плугом, борозду;
Он обитает в ней теперь,
Как в нескончаемом саду.

Но вянет вскорости и он,
В своем жилище, как слепой,
Крадясь меж Блещущих Богатств,
Что захватил за День Земной.

Его богатства — жемчуг слез,
Рубины воспаленных глаз,
И золото раскаленных дум,
И страсть, и просьба, и приказ.

Он — это ел, он — это пил;
Теперь он кормит и поит
И перехожих, и больных —
Отныне дом его открыт.

К нему приходят — поглазеть,
Он стал посмешищем для всех;
Младенец-Дева из огня
Должна восстать, чтоб смолкнул смех.

И восстает из очага —
Златая, огненная с т а т ь , —
Не подымается рука
Дотронуться и спеленать.

А Дева ищет не его —
Богат иль беден, юн иль стар
Ее избранник, — но ему
Дом старца преподносит в дар.

Ограбленный, уходит вон,
Ища страннопримный дом,
Где выйдет Дева из огня
И слобится со стариком.

Седой, согбенный и слепой,
Берет он Огненную Дщерь —
И вот рассыпался дворец,
И сад осыпался теперь.

Все переходные — бежать,
Дрожа в смятенье, как листва
И шаром плоская Земля
Крутится в вихре естества.

Шарахаются звезды прочь,
Забившись в щели пустоты,
Не стало пищи и питья,
Одни пустыни столь пусты.

Но есть Невинные Уста,
Они — Вино, и Хлеб, и Мед;
Есть Птицы Глаз на вертелах —
И, воскресая, ест и пьет.

Он знает, что растет назад,
Растет в младенческие дни;
В пустыне страха и стыда
Вдвоем скитаются они.

Она, как лань, несется прочь —
И, где промчалась, вырос лес,
Ее смятеньем порожден;
А он — за ней, во тьму древес,

Во тьму древес, во тьму Любви
И Ненависти, — он за ней;
И все извилистей леса,
Непроходимей и темней.

И вся пустыня заросла
Столпами мертвенных дерев,
И в Дебрях Бегства и Любви
Уж рыщут Волк, и Вепрь, и Лев.

И он добился своего!
Младенец он, она — дряхла;
Вернулись люди в те края,
А в небо — звезды без числа.

Деревья принесли плоды,
Маня и пищей и питьем;
Уже возводят города
И строят хижины кругом.

Но лишь Ужасное Дитя
Увидят жители страны,
Как с громким воплем: «Родилось!»
Сбегут из этой стороны.

Ведь ведомо: лишь прикоснись
К Ужасной Плоти — и умрешь;
Волк, Вепрь и Лев бегут, дрожа,
Деревья оголила дрожь.

Ведь ведомо: на эту Плоть
Управы людям не сыскать,
Пока Старуха не придет...
И все, как сказано, — опять.

ЮДОЛЬ ГРЕЗ

— Проснись, мой мальчик, мой малыш!
Зачем ты плачешь и кричишь?
Не бойся, милый! Погоди —
Отец прижмет тебя к груди.

— Ах! я блуждал в Юдоли Грез.
Я видел реку и утес.
И мать — всю в лилиях — живой
Я там увидел над водой.

Среди ягнят, белым-бела,
Она со мной по травам шла.
От счастья плакал я тогда.
Но как вернуться мне туда?

— Сын^{ок}, я был в Юдоли Грез,
Я видел реку и утес,
Но так безбрежен был поток,
Что переплыть его не мог.

— Отец, отец! чего ж мы ждем!
Юдоль Отчаянья кругом!
В Юдоли Грез, блаженных Грез,
Мы позабудем горечь слез!

МЭРИ

Прекрасная Мэри впервые пришла
На праздник меж первых красавиц села.
Нашла она много друзей и подруг,
И вот что о ней говорили вокруг:

«Неужели к нам ангел спустился с небес
Или век золотой в наше время воскрес?»
Свет небесных лучей затмевает она.
Приоткроет уста — наступает весна».

Мэри движется тихо в сиянье своей
Красоты, от которой и всем веселей.
И, стыдливо краснея, сама сознает,
Что прекрасное стоит любви и забот.

Утром люди проснулись и вспомнили ночь,
И веселье продлить они были не прочь.
Мэри так же беспечно на праздник пришла,
Но друзей она больше в толпе не нашла.

Кто сказал, что прекрасная Мэри горда,
Кто добавил, что Мэри не знает стыда.
Будто ветер сырой налетел и унес
Лепестки распутившихся лилий и роз.

«О, зачем я красивой на свет рождена?
Почему не похожа на всех я одна?
Почему, одарив меня щедрой рукой,
Небеса меня предали злобе людской?»

— Будь смиренна, как агнец, как голубь, чиста, —
Таково, мне твердили, ученье Христа.
Если ж зависть рождаешь ты в душах у всех
Красотою с в о е й, — на тебе этот грех!

Я не буду красивой, сменю свой наряд,
Мой румянец поблекнет, померкнет мой взгляд.
Если ж кто предпочтет меня милой своей,
Я отвергну любовь и пошлю его к ней».

Мэри скромно оделась и вышла чуть свет.
«Сумасшедшая!» — крикнул мальчишка вослед.
Мэри скромный, но чистый надела наряд,
А вернулась забрызгана грязью до пят.

Вся дрожа, опустилась она на кровать,
И всю ночь не могла она слезы унять,
Позабыла про ночь, не заметила дня,
В чуткой памяти злобные взгляды храня.

Лица, полные ярости, злобы слепой,
Перед ней проносились, как дьяволов рой.
Ты не видела, Мэри, луча доброты.
Темной злобы не знала одна только ты.

Ты же — образ любви, изнемогшей в слезах,
Нежный образ ребенка, узнавшего страх,
Образ тихой печали, тоски роковой,
Что проводят тебя до доски гробовой.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЧЕРТОГ

На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.

Чертог светился, а внутри
Я в нем увидел мир иной:
Была там маленькая ночь
С чудесной маленькой луной.

Иная Англия была,
Еще неведомая мне, —
И новый Лондон над рекой,
И новый Тауэр в вышине.

Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три — одна в другой.
О сладкий, непонятный страх!

Ее улыбкою тройной
Я был, как солнцем, освещен.
И мой блаженный поцелуй
Был троекратно возвращен.

Я к сокровеннейшей из трех
Простер объятия — к ней одной.
И вдруг распался мой чертог.
Ребенок плачет предо мной.

Лежит он на земле, а мать
В слезах склоняется над ним.
И, возвращаясь в мир опять,
Я плачу, горестью томим.

СЕРЫЙ МОНАХ

Мать причитает: — Нам конец!
Замучен в крепости отец.
Ни крошки в доме... Дети, спать! —
Монах садится на кровать.

На лбу его кровавый шрам.
Кровь лужей натекла к ногам.
Как молнией спаленный дуб,
Он полужив и полутруп.

Но ни слезы в его очах...
Вдохнувши горестно, монах
Собрался из последних сил
И с жалким криком возгласил:

— Когда Господь моей руке
Велел писать о злой тоске,
Он рек: быть этому письму
Проклятьем роду твоему.

Был брат мой в крепость заточен.
Несчастных сирот слыша стон,
Я — сам истерзан и в цепях —
Смеясь превозмогал свой страх.

Отец твой рать свою созвал,
Ей путь на Север указал;
Твой брат с дружиною своей
Отмстил за плач твоих детей.

Но тщетна хитрость, хрупок меч,
Бойцов отважных губит сечь,
А торжествует только тот,
Кто молится и слезы льет.

Пусть вдов и мучеников плач
С издевкой слушает палач,
Но воинство невинных слез
Ведет в сражение Христос!

Рука Возмездия найдет
Того, кто в Пурпуре цветет,
Но мститель, пусть он справедлив,
Убийцей станет, отомстив.

ПРОРИЦАНИЯ НЕВИННОСТИ

Вселенная в песчинке видней,
Небо в цветке лесном.
Бесконечность на ладони твоей,
Вечность в миге одном.

Птиц доверчивых ловить
Значит Господа гневить.

Голубиное крыло
Ад кромешный потрясло.

Пес голодный у дверей
Пророчит крах державе всей.

Если бьют в дороге кляч,
Людскую кровь прольет палач.

Зайчишка раненый кричит,
И мозг людской кровотоцит.

Кто небесных птах стреляет,
Тот херувимов оскорбляет.

В бой готовится петух,
И солнечный восход потух.

Воют волки, львы рычат.
Грешник покидает ад.

Там, где на воле бродят лани,
Душа не ведает страданий.

Не ропщет агнец под ножом.
Чревата бойня мятежом.

Нетопырь в ночи весенней —
Исчадие людских сомнений.

Слышишь, как сова рыдает?
Так безверие страдает.

Искалечивший дрозда
Противен людям навсегда.

Кто своего быка обидит,
Того жена возненавидит.

Когда раздавишь муху вдруг,
Навеки враг тебе паук.

Во тьме твоя тюрьма крепка:
Ты мучил майского жука.

Гусеница на листке
Напоминает мать в тоске.

Не бей ни мотыльков, ни моли.
Твое спасенье в Божьей воле.

Пославший на войну коня
Достоин вечного огня.

Дай поесть бродячим псам!
После раздобреешь сам.

Источник яда — клеветник.
Певун комар — его должник.

У зависти на пятках потных
Яд копится для змей болотных.

Яд пчелиный там, где мед.
Сомнений муза не уймет.

И бриллианты, и заплатки —
Поганки у скупца в укладке.

Правдой злоупотребив,
Превзойдешь того, кто лжив.

В этом мире будет цел
Тот, кто мир понять сумел.

И скорбь и радость — наш удел,
Иначе разум не у дел.

И скорбь и радость хороши.
Нет лучше ткани для души.

Отчаиваться не спеши.
Радость рядышком в тиши.

Природой пахарь умудрен:
Сделан плуг, и сделан трон.

Не сделан человек — рожден.
Дитя ценней своих пелен.

Слеза на землю пролилась.
Душа людская родилась.

Слеза себе находит мать,
Чтобы в блаженстве засверкать.

Блеянье, мычанье, лай —
Волны, хлещущие в рай.

Мальшей грешно пороть.
Отомстит за них Господь.

Лохмотья нищета стирает,
Всё небо в клочья раздирает.

Солдат с мушкетом на плече,
И солнце как в параличе.

Грош бедняцкий драгоценней
Золотых месторождений.

Не стоит замок родовой
Одной полушки трудовой.

Порою целая страна
Одной полушкой спасена.

Над верой детской смеяшь,
Ты сам в себя бросаешь грязь.

Кто научил дитя сомнению,
Подвержен вечному гниению.

Кто веру детскую почитит,
Тот смерть свою предотвратит.

Плодоносят стар и млад,
И плодами век богат.

Тот, кто коварно вопрошает,
Впустую разум искушает.

В ответ сомненью промолчи,
А то погаснет свет в ночи.

Самый страшный в мире яд
Лавры цезаря таят.

Тот, кто людей вооружает,
Природу нашу искажает.

Плугу злато подчинится.
Искусству зависть повинится.

Откликается сверчок,
И сомнение молчок.

Орел и даже муравей
Хромой премудрости быстреей.

Всегда сомненье отрицает
То, что само же созерцает.

Если солнце усомнится,
Мир навеки затемнится.

Не страшно впасть однажды в страсть.
Страсть в человеке — вот напасть!

В почете мот и проститутка,
И в государстве людям жутко.

Кричит на улице блудница.
Вот, Альбион, твоя гробница.

Встретив твой последний час,
Игроки пустились в пляс.

Сколько зим и сколько лет
Родятся смертные на свет!

Сколько лет и сколько зим
Один во тьме нуждой томим,

А другой в расцвете лет
Созерцает вечный свет.

Держит ложь тебя в тюрьме,
Пока не видит глаз во тьме;

Глаз, рожденный в ночи, обреченный в ночи.
Только спящую душу объемяют лучи.

В темноте, где света нет,
Бог — неугасимый свет.

Там, где самый светлый брег,
Виден Богочеловек.

ВИЛЬЯМ БОНД

Я поражаюсь безумью Дев,
Я поражаюсь их жажде крови,
И я поражаюсь: Вилли Бонд жив,
Хотя пошатнулось его здоровье!

Он в церковь майским утром пошел;
Одна, две, три — замелькали Феи,
Но Ангелы Провиденья спугнули Фей,
И Вилли домой повернул, мрачней.

Не пошел он пасти овец,
Не пошел он пахать землю —
Чернее тучи пришел домой,
Чернее тучи в постель ложится.

Ангел Провиденья встал в ногах,
Ангел Провиденья стерег изголовье,
А посредине — тучи черней —
Мрачный Мужлан помирать наготове.

Одесную встала Мэри Грин,
Ошуюю встала его сестра,
Но плач непритворный над тучей черной
Не поднял страдальца с его одра.

«О Вильям, ежели ты разлюбил,
Ежели полюбил другую, —
Поди и в жены ее возьми,
И к вам служанкой тогда пойду я!»

«Вот в этом, Мэри, ты права.
Ты занимаешь чужое место.
Другую в Жены я возьму,
Так что же мне в тебе, Невеста?»

Ты пуглива, и ты бледна,
Лунный хлад на челе витает,
А она — горяча, смела,
Пламя солнца в очах блистает!»

Мэри внемлет, и Мэри зрит,
Мэри падает, где стояла;
Бездыханную с половиц
Переносят под одеяло.

Но едва очнулась она —
Обнаружила, торжествуя,
Что положена на кровать
От желанного одесную.

Феи, спугнутые с утра,
Воротились и заплясали
На подушках вокруг нее.
Ангелы Провиденья пропали.

Любовь, я думал, — жар и свет.
А вышло — полутьма и трепет.
Любовь, я думал, — Солнца Смех.
А вышло — тихий лунный лепет.

Ищите в горестях Любовь,
В слезах, в участии, в заботе,
Во тьме, в снегах, среди нагих
И сирых. Там ее найдете!

ДЛИННЫЙ ДЖОН БРАУН
И МАЛЮТКА МЭРИ БЭЛЛ

Была в орехе фея у крошки Мэри Бэлл,
А у верзилы Джона в печенках черт сидел.
Любил малютку Мэри верзила больше всех,
И заманила фея дьявола в орех.

Вот выпрыгнула фея и спряталась в орех.
Смеясь, она сказала: «Любовь — великий грех!»
Обиделся на фею в нее влюбленный бес,
И вот к верзиле Джону в похлебку он залез.

Попал к нему в печенки и начал портить кровь,
Верзила ест за семерых, чтобы прогнать любовь,
Но тает он, как свечка, худеет с каждым днем
С тех пор, как поселился голодный дьявол в нем.

— Должно быть, — люди говорят, — в него забрался волк! —
Другие дьявола винят, и в этом есть свой толк.
А фея пляшет и поет — так дьявол ей смешон.
И доплясалась до того, что умер длинный Джон.

Тогда плясунья-фея покинула орех.
С тех пор малютка Мэри не ведает утех.
Ее пустым орехом сам дьявол завладел.
И вот с протухшей скорлупой осталась Мэри Бэлл.

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТИ»
(1808—1811)

МОЕМУ ХУЛИТЕЛЮ

Пусть обо мне ты распускаешь ложь,
Я над тобою не глумлюсь тайком.
Пусть сумасшедшим ты меня зовешь,
Тебя зову я только дураком.

* * *

Ни одного врага всеобщий друг, Джон Трот,
Оставить не сумел у Вечности Ворот.
«Друг — редкость!» — мыслили так древние в тревоге.
Теперь друзья стоят всем поперек дороги.

ВИЛЬЯМУ ХЕЙЛИ О ДРУЖБЕ

Врагов прощает он, но в том беда,
Что не прощал он друга никогда.

ЕМУ ЖЕ

Ты мне нанес, как друг, удар коварный сзади,
Ах, будь моим врагом, хоть дружбы ради!

ЭПИТАФИЯ

**Я погребен у городской канавы водосточной,
Чтоб слезы лить могли друзья и днем и еженощно.**

* * *

Теперь попробуйте сказать, что я не гениален:
Флексманом я не любим, Хейли — не захвален.

* * *

Чувства и мысли в картине нашедший
Смекнет, что ее написал сумасшедший.
Чем больше дурак — тем острее наитье.
Влажен карандаш, если дурень — в подпитье.
Кто контур не видит — не может его рисовать,
Ни рафаэлить, ни фюзелить, ни блейковать.
За контурный метод вы рады художника съесть.
Но контуры видит безумец и пишет как есть.

* * *

Всю жизнь любовью пламенной сгорая,
Мечтал я в ад попасть, чтоб отдохнуть от рая.

КУПИДОН

Зачем ты создан, Купидон,
С мальчишескою статью?
Тебе бы девочкою быть,
По моему понятию!

Ты поражаешь цель стрелой,
А девочка — глазами,
И оба счастливы, когда
Зальемся мы слезами.

В затее — мальчиком тебя
Создать, узнал я женщин руку:
Лишь возмужав, постигнешь ты
Глумленья сложную науку.

А до тех пор — несчетных стрел
В тебя вопьются жальца.
Выдергивать их целый век
Из ран — удел страдальца.

* * *

— Что оратору нужно? Хороший язык?
— Нет, — ответил оратор. — Хороший парик!
— А еще? — Не смутился почтенный старик
И ответил: — Опять же хороший парик.
— А еще? — Он задумался только на миг
И воскликнул: — Конечно, хороший парик!

— Что, маэстро, важнее всего в портретисте?
Он ответил: — Особые качества кисти.
— А еще? — Он, палитру старательно чистя,
Повторил: — Разумеется, качество кисти.
— А еще? — Становясь понемногу речистей,
Он воскликнул: — Высокое качество кисти!

БЛЕЙК В ЗАЩИТУ СВОЕГО КАТАЛОГА

Поскольку от прозы моей остались у многих занозы,
Гравюр Бартолоцци нежней, стихи напишу вместо прозы.
Иной без причин заливается краской стыда.
Однако никто в рифмоплетстве не видит вреда.
«Мильтоном создан лишь план!» — Драйден в стихах

воскликает,

И всякий дурацкий колпак бубенцами об этом бряцает.
Хогарта Кук обкорнал чистеньким гравированьем.
С ревом бегут знатоки, восхищаясь его дарованьем.
Хейли, на мыло взирая, хватил через меру:
«Поп, — закричал о н , — придал совершенства Гомеру!»
За нос фальшивых друзей вожу, говорят, я неплохо
И ополчиться успел, от врагов ожидая подвоха.
Флексман со Стотхардом пряность учуяли нюхом:

«Беда, коль гравёр и художник проникнутся блейковским
духом!»

Но я, непокладистый малый, на собственный зонт
Беспечно смотрю снизу вверх и готов на афронт.
В точку, где сходятся спицы, оставив гляделки,
Кричу я: «Лишь автор способен достичь благородства
отделки!»

Жертва кромек ов, — несчастный погиб Скъявонетти:
Петля на шею — мы скажем об этом предмете!
Прошу у друзей извиненья — зачем наобум
Я мысль о грядущей кончине привел им на ум?
Как девушка, над маслобойкой стан склонившая гибкий.
Мутовку другим уступая, с лица не стирайте улыбки,
Не скисайте от слова друга, если оно не хвалебно,
Не забывайте, что масло любому из нас потребно!
Ложным друзьям в досаду, наперекор их фальши,
Истинной дружбы узы крепнуть будут и дальше!

* * *

Творенье дурака по вкусу многим людям.
О нем наверняка мы без волненья судим.
Нас в тупости оно не упрекнет; в отместку,
Как стряпчий, — не пришлет судебную повестку.

О БЛАГОДАРНОСТИ

От дьявола и от царей земных
Мы получаем знатность и богатство.
И небеса благодарить за них,
По моему суждению, — святотатство.

* * *

Я встал, когда редела ночь.
— Поди ты прочь! Поди ты прочь!
О чем ты молишься, поклоны
Кладя пред капищем Мамоны?

Я был немало удивлен.
Я думал, — это божий трон.
Всего хватает мне, но мало
В кармане звонкого металла.

Есть у меня богатство дум,
Восторги духа, здравый ум,
Жена любимая со мною.
Но беден я казной земною.

Я перед богом день и ночь.
С меня он глаз не сводит прочь.
Но дьявол тоже неотлучен:
Мой кошелек ему поручен.

Он мой невольный казначей.
Я ел бы пищу богачей,
Когда бы стал ему молиться.
Я не хочу, а дьявол злится.

Итак, не быть мне богачом.
К чему ж молиться и о чем?
Желаний у меня немного,
И за других молю я бога.

Пускай дает мне злобный черт
Одежды, пищи худший сорт, —
Мне и в нужде живется славно...
А все же, черт, служи исправно!

ИЗ ПИСЬМА К БАТТСУ

<ГРОЗНЫЙ ЛОС>

*(Сочинено по пути
из Фелпхэма в Лавант)*

С холмами, что мирной дышали красой,
И с облаком, пахнувшим свежей росой,
С крылами, застлавшими синь без предела,
И солнцем, что в небе всходило и пело,
С лесами, лугами, с травой непримятой,
Где водятся эльфы, шалют бесенята,
Со строками Хейли — (их отзвук возник,
И сердца толчки ощутил мой язык), —
И с ангелами, что расселись по кущам
Боярышника, и — самим Всемогущим,
И с ангельской среброкрылою ратью,
И демонов златосиянную статью

Я мир увидал, где под небом покатым
Отец мой парил вместе с Робертом, братом.
Там был и брат мой злотворный, Джон.
Из черной тучи звучал его стон.
(Они, мертвецы, пересекли мне путь,
Не глядя на гнев, распиравший мне грудь.
Молили они, утопая в слезах,
С надеждой в глазах и со страхом в глазах.)
Нахлынули скорбные ангелы с тыла —
Спровадить их, но не тут-то было.
«Останься!» — услышал я сумрачный вздох,
И путь заступает мне Чертополох.
Но что для другого — безделица, малость, —
Во мне пробуждает восторг или жалость,
Поскольку мне зренье двойное дано,
И везде, и повсюду со мною оно.
Видит внутренний глаз мой — седым стариком
То, что внешний считает простым сорняком.
«Назад повернешь — и наплачешься тут;
Вот эти кусты — Энитхармон приют;
А там — Теотормоном будешь врасплох
Застигнут», — стращал меня Чертополох.
«Лос Грозный в этом клялся стократно,
В надежде, что ты повернешь обратно.
Со старостью, бедностью, страхом — в итоге,
Жену твою ждут погребальные дроги.
Что Фюзели дал (утес да пещеру —
И только!) — даст Баттс по его примеру».

Ногой ударил я Чертополох
И шиб его с корня, чтоб куст засох.
«Долг — с долгом воюет, куда ни глянь.
Иль радости наши — навоз и дрянь?
Да разве мой Баттс дорогой — в небрежье,
Коль скоро я Хейли воздал уваженье?
И должен ли Флексман посматривать волком,
А друзья — сомневаться во мне тихомолком?
Жене ль моей жить у золовки в плену,
Иль сестре — согнать со свету жену?
Ужасен Лос и его заклатье!
Я чувствую трепет и сердца сжатье».
Изра́к — и ударил я, в гневе, в тревоге,
Того, кто лежал поперек дороги.
Из пламени солнца, что ввысь поднялось,
Могущества полон, явился мне Лос.
Он внешнему глазу — солнцем утренним
Казался, но Лоса увидел я — внутренним.
«Работают руки мои день-деньской,
Но обходят меня и досуг и покой.
Жене моей льгот никаких не видать!
Разве только с небес упадет благодать.
Мало хлеба и пива у нас на столе.
Не взошло наше счастье на этой земле.
Питаешь не ты нашей жизни реки!
Лучи твои нас не согреют веки.
Ни времени мне, ни пространства отмерить
Не можешь — спешу тебя в этом заверить.

Мой ум — не твоим сияньем украшен!
Мне облик пугающий твой не страшен».
Когда разразился я вызовом гневным,
Дрожь овладела светилом полдневным,
А луна, в отдалении тлевшая, сразу,
Как снег побелев, получила проказу.
На душу людскую накинись вдруг
И горе, и голод, и скорбь, и недуг.
На пути моем Лос пламенеет яро,
И солнце всю накалилось от жара,
Что стрелы мыслей и разума лук —
Оружье мое! — излучают вокруг.
Тетива огниста, колчан мой злат!
Впереди выступают отец мой и брат.
Теперь мне четырехкратное зренье
Доступно в моем наивысшем паренье,
Тройное — Беулы сладостной ночью,
Двойное (я в том убедился воочью) —
Всегда! От единого зренья нас, Боже,
Спаси, и от сна Ньютонова тоже!

ВОРОТА РАЯ

(Для лиц обоего пола)

ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК?

Лучей блистающих зависят свойства
От созерцающих очей устройства.

[ВСТУПЛЕНИЕ]

На свете жить, грехи прощая
Друг другу, — вот Ворота Рая,
В противовес тому влечению,
Что бес питает к обличению.
Персты Иеговы Закон
Писали. И заплакал Он,
И под Престол свой милосердный,
Дрожа, сложил свой труд усердный.
О христиане! Для чего
Вам в храмах пестовать его?

КЛЮЧИ ОТ ВОРОТ

- Ест гусеница плоть листка,
Ест сердце матери тоска.
- 1 Когда Бессмертный Муж лег спать,
Меня под мандрагорой Мать
Нашла и спрятала в слепой
Покров, что стал мне скорлупой.
Змей, умствуя, будил в нас тягу
К добру и злу, к порокам, к благу.
- 2 О, зависть к самому себе,
3 Дурь волн — с хандрой Земли в борьбе!
- 4 Гол на ветру и слеп — в огне.
5 Страх, стыд! Копье и щит — при мне...
Две умствующих половины, —
Стою, разъятый, двуединый,
Как сумрачный гермафродит.
Добра и зла здесь корень скрыт.
Над нами круговертью грозной —
Меч огненный и вихрь морозный.
Я рву завесу мертвецов,
- 6 Ломаю ледяной покров,
Мирскую скорлупу, обитель,
Где возлежит в гробу Спаситель.
Входящий в этот склеп вселенский
Найдет наряд мужской иль женский —
Приятный: двух полов одежды —

Не саван для смеживших вежды!
7 Кто — жив, кто умер, кто убит,
Кто спасся бегством, кто лежит.
8 Мой сын! Тщеславье и проклятье
Двух призраков — твоё зачатье.
Ты мне отмщаешь, в свой черед,
Как я учил тебя, мой плод!
9 Сквозь полночи зенит я лез
Под сень луны, с ночных небес
10 В пучину Времени срываясь;
Седьм невеждой оставаясь,
11 Холодный, благостный, — отсек
В подлунной крылья всем навек;
12 Замкнул, как в ледяных гробницах,
Отца и сыновей в темницах.
13 Но, Вечного увидя Мужа,
Его Бессмертье обнаружа,
14 Замыслил я в ночную тень
Уйти, чтоб завершить свой день.
15 Дверь Смерти я нашел открытой,
И червь прядет в земле разрытой.
16 О мать, мне дом — твоя утроба!
Жена, сестра и дочь — у гроба,
Над паутиной жизни, вам без слов
Рыдать и в сны вплетать борьбу полов.

ЭПИЛОГ

К обличителю, что является богом мира сего

Не отличаешь, будучи тупицей,
Людей от их одежды, Сатана!
Хоть шляха каждая была девицей,
Кэт в Нэн не превратишь ты, старина.
Пуškai в ряду божественных имен
Есть и твое — ты лишь небес изгнанник,
Сын утра на ущербе н о ч и , — сон,
Что видит под холмом уснувший странник.

ИЗ КНИГИ «ВЕЧНОСУЩЕЕ ЕВАНГЕЛИЕ»

* * *

Христос, которого я чту,
Враждебен твоему Христу.

С горбатым носом твой Христос,
А мой, как я, слегка курнос.

Твой — друг всем людям без различья,
А мой слепым читает притчи.

Что ты считаешь райским садом,
Я назову кромешным адом.

Сократ милетов идеал
Народным бедствием считал.

И был Кайафа убежден,
Что благодетельствует он.

Мы смотрим в Библию весь день:
Я вижу свет, ты видишь тень.

Уж так ли кроток был Христос?
В чем это видно, — вот вопрос.

Ребенком он покинул дом.
Три дня искали мать с отцом.

Когда ж нашли его, Христос
Слова такие произнес:

— Я вас не знаю. Я рожден
Отцовский выполнить закон.

Когда богатый фарисей,
Явившись втайне от людей,

С Христом советоваться стал,
Христос железом начертал

На сердце у него совет
Родиться сызнова на свет.

Христос был горд, уверен, строг.
Никто купить его не мог.

Он звал хитро, ведя беседу,
— Я духом нищ — за мною следуй!

Вот путь единственный на свете,
Чтоб не попасть корысти в сети.

Предать друзей, любя врагов, —
Нет, не таков завет Христов.

Он проповедовал учтивость,
Смиренье, кротость, но не льстивость.

Он, торжествуя, крест свой нес.
За то и был казнен Христос.

Антихрист, льстивый Иисус,
Мог угодить на всякий вкус,

Не возмущал бы синагог,
Не гнал торговцев за порог

И, кроткий, как ручной осел,
Кайафы милость бы обрел.

Бог не писал в своей скрижали,
Чтобы себя мы унижали.

Себя унизив самого,
Ты унижаешь божество...

Ведь ты и сам — частица вечности.
Молись своей же человечности.

* * *

Христос явил иль нет смиренье?
В том нет прямого заверенья.
О благе толковал он многим
И камень подавал убогим.
В двенадцать лет бежал он, бросив
Родных. Три дня его Иосиф
Искал с Марией, но упрек
Отвел Христос и так изрек:
«Отца небесного я дело
Творю и занят им всецело!..»

Учил сомнению сей философ
Иль избегал таких вопросов?
Лжецами звал визионеров

Иль мудрецами — маловеров?..
Девицы честной, с кротким взглядом,
С душою пресной — был он чадом?
Коль на себя решил принять
Он грех — не уступала мать
Той шлюхе из Магдалы, чей
Скрывал курятник семь чертей.
Иль иудейских дев разврат
Кормил сосцами целый ад?
Какой бы мог избрать искус
Нам во спасенье Иисус?
Для тела есть в земной юдоли
Соблазны, огорченья, боли.
Страстям греховным наша плоть
Доступна — как их побороть?..

Христос был чист и непорочен
Иль не был этим озабочен?
Восход зарделся: он, в сиянье,
На ложе прелюбодейня
Узрел Марию. И любви открытье
Пронзило свод небесный, как найтье...

Не рад еврей такому Иисусу.
Британцу он подавно не по вкусу.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

РАДУШЬЕ СТАРОЙ АНГЛИИ

С дубовой кафедры у нас, усердствуя сверх меры,
Законы любят оглашать бесчисленные мэры.
От эля крепкого темны их лица, как орех:
Радущья в старой Англии достаточно для всех.

Для мантий пурпурных не раз крестьянин пот утер.
Черней агата — башмаки, чулки — по этим пор!
С говядины и пива стать дородными не грех:
Радущья в старой Англии достаточно для всех.

Вот заседают за столом наш мэр и олдермены.
Жрет каждый за десятерых, — законник преотменный.
Тут входят бедняки: им есть охота! Смех и грех...
Радущья в доброй Англии хватило ли на всех?

* * *

Предоставь меня печали!
Я, истаяв, не умру.
Стану духом я, — и только! —
Хоть мне плоть и по нутру.

Без дорог блуждая, кто-то
Здесь, в лесах, повитых тьмой,
Тень мою приметит ночью
И услышит голос мой.

* * *

Навеки мы будем у этой загадки в плену:
Солдат проповедует мир, а священник — войну.

* * *

За образец — ты мудреца огрехи
Возьми себе, а не глупца успехи.

* * *

Он век соблюдал золотое правило,
Что его в золотых дураках оставило.

* * *

**Жить как хочешь — выдумка, и баста!
Создали ее лишь для контраста.**

* * *

Даром великим дурак наделен:
Скрадывать противоречья сторон.
Щебечут скворцы, навещая дворцы:
«Здесь высшего лоска достигли глупцы!»

Трудолюбю — так принято у королей! —
Подставляет подножку любой дуралей.
Цель мудрого — ясность. Дурак втихомолку
Интригой дурацкой собьет его с толку.

МЕЧ И СЕРП

Меч — о смерти в ратном поле,
Серп о жизни говорил,
Но своей жестокой воле
Меч серпа не покорил.

* * *

К восставшей Франции мошенники Европы
Как звери отнесли, а после — как холопы.

КОРОЛЕВЕ

Врата у Смерти есть. Но врат
Златых живущие не зрят;
И лишь когда живые очи
Закроются во мраке ночи,
Душа златые зрит ключи
В руках бесплотных, как лучи.
Могила — те врата златые.
Топятся добрые и злые
У дивных, у жемчужных врат.
Тебе, Водительница Стад
Британских, скорбное виденье
Препоручаю во владенье.
О государыня! прости,
Что я, в торжественном пути,

Сложив крыла, у трона сброшу
Из гроба поднятую ношу.
И молвлю, пред Тобою пав:
«Вот цвет, что, смертью смерть поправ,
В могильном облике убогом
Расцвел Бессмертия залогом!»

ПОЭМЫ

КНИГА ТЭЛЬ

* * *

Известно ль орлу, что таится в земле?
Иль крот вам скажет о том?
Как мудрость в серебряном спрятать жезле,
А любовь — в ковше золотом?

I

В долине дщери Серафимов пасли своих овец.
Но Тэль, их младшая сестра, блуждала одиноко,
Готова с первым дуновеньем исчезнуть навсегда.
Вдоль по течению Адоны несется скорбный ропот,
И льются тихие стенанья, как падает роса.

— О ты, бегущая вода! Зачем твой лотос вянет?
Твоих детей печален жребий: мгновенный смех и смерть.
Ах, Тэль — как радуга весны, как облако в лазури,

Как образ в зеркале, как тени, что бродят по воде,
Как мимолетный детский сон, как резвый смех ребенка,
Как голос голубя лесного, как музыка вдали.
Скорей бы голову склонить, забыться безмятежно,
И тихо спать последним сном, и слышать тихий голос
Того, кто по саду проходит вечернею порой.

Невинный ландыш, чуть заметный среди смиренных трав,
Прекрасной девушке ответил: — Я — тонкий стебелек,
Живу я в низменных долинах; и так я слаб и мал,
Что мотылек присесть боится, порхая, на меня.
Но небо благостно ко мне, и тот, кто всех лелеет,
Ко мне приходит в ранний час и, осенив ладонью,
Мне шепчет: «Радуйся, цветок, о лилия-малютка,
О дева чистая долин и ручейков укромных.
Живи, одевшись в ткань лучей, питайся божьей манной,
Пока у звонкого ключа от зноя не увянешь,
Чтоб расцвести в долинах вечных!» На что же ропщет Тэль?
О чем вздыхает безутешно краса долины Гар?

Цветок умолк и притаился в росистом алтаре.

Тэль отвечала: — О малютка, о лилия долин,
Ты отдаешь себя усталым, беспомощным, немым,
Ты нежишь кроткого ягненка: молочный твой наряд
С восторгом лижет он и щиплет душистые цветы,
Меж тем как ты с улыбкой нежной глядишь ему в глаза,
Сметая с мордочки невинной прилипший вредный сор.

Твой сок прохладный очищает густой янтарный мед.
Дыша твоим благоуханьем, окрестная трава
Живит кормилицу-корову, смиряет пыл коня.
Но Тэль — как облако, случайно зажженное зарей.
Оно покинет трон жемчужный, и кто его найдет?

— Царица юная долин! — промолвил скромный ландыш, —
Ты можешь облако спросить, плывущее над нами,
Зачем на утренней заре горит оно и блещет,
Огни и краски рассыпая по влажной синеве.
Слети к нам, облако, помедли перед глазами Тэль!

Спустилось облако, а ландыш, головку наклонив,
Опять ушел к своим бесчисленным заботам и делам.

II

— Скажи мне, облако, — спросила задумчивая Тэль, —
Как ты не ропщешь, не тоскуешь, живя один лишь час?
Но час пройдет, и больше в небе тебя мы не найдем.
И Тэль — как ты. Но Тэль тоскует, и нет ответа ей!

Главу золотую обнаружив и выплыв на простор,
Сверкнуло облако, витая над головою Тэль.

— Ты знаешь, влагу золотую прохладных родников
Пьют наши кони там, где Лува меняет лошадей.
Ты смотришь с грустью и тревогой на молодость мою,

Скорбя о том, что я растаю, исчезну без следа.
Но знай, о девушка: растаяв, я только перейду
К десятикратной новой жизни, к покою и любви.
К земле спускаясь невидимкой, я чашечек цветов
Касаюсь крыльями и фею пугливаю — росу
Молю принять меня в прозрачный, сияющий шатер.
Рыдает трепетная дева, колени преклонив
Перед светилом восходящим. Но скоро мы встаем
Соединенной, неразлучной, ликующей четой,
Чтоб вместе странствовать и пищу нести цветам полей.

— Неужто, облачко? Я вижу, различен наш удел:
Дышу я тоже ароматом цветов долины Гар,
Но не кормлю цветов душистых. Я слышу щебет птиц,
Но не питаю малых пташек. Они свой корм в полях
Находят сами. Я исчезну, и скажут обо мне:
Без пользы век свой прожила сияющая дева,
Или жила, чтоб стать добычей прожорливых червей?..

С престола облако склонилось и отвечало Тэль:

— Коль суждено тебе, о дева, стать пищей для червей,
Как велико твое значенье, как чуден твой удел.
Все то, что дышит в этом мире, живет не для себя.
Не бойся, если из могилы червя я позову.
Явись к задумчивой царице, смиренный сын Земли!

Могильный червь приполз мгновенно и лег на влажный лист.
И скрылось облако в погоне за спутницей своей.

III

Бессильный червь лежал, свернувшись, на маленьком листке.

— Ах, кто ты, слабое создание? Ты — червь? И только червь?
Передо мной лежит младенец, завернутый в листок.
Не плачь, о слабый голосок! Ты говорить не можешь
И только плачешь без конца. Никто тебя не слышит,
Никто любовью не согреет озябшее дитя!..

Но глыба влажная земли малютку услышала,
Склонилась ласково над ним и все живые соки,
Как мать младенцу, отдала. И, накормив питомца,
Смиранный взгляд спокойных глаз на деву устремила.

— Краса долин! Мы все на свете живем не для себя.
Меня ты видишь? Я ничтожна, ничтожней в мире всех,
Я лишена тепла и света, темна и холодна.
Но тот, кто любит всех смиренных, льет на меня елей,
Меня целует, и одежды мне брачные дает,
И говорит: «Тебя избрал я, о мать моих детей,
И дал тебе венец нетленный, любви моей залог!»
Но что, о дева, это значит, понять я не могу.
Я только знаю, что дано мне жить и, живя, любить.

Таль осушила легкой тканью потоки светлых слез
И тихо молвила: — Огньне не стану я роптать.
Я знала: друг всего живого не может не жалеть

Червя ничтожного и строго накажет за него
Того, кто с умыслом раздавит беспомощную тварь.
Но я не знала, что елеем и чистым молоком
Червя он кормит, и напрасно роптала на него,
Страшась сойти в сырую землю, покинуть светлый мир.

— Послушай, девушка, — сказала приветливо земля, —
Давно твои я слышу вздохи, все жалобы твои
Неслись над кровлею моею, — я привлекла их вниз.
Ты хочешь дом мой посетить? Тебе дано спуститься
И выйти вновь на свет дневной. Перешагни без страха
Своею девственной ногою запретный мой порог!

IV

Угрюмый сторож вечных врат засов железный поднял,
И Галь, сойдя, узнала тайны невиданной страны,
Узрела ложа мертвецов, подземные глубины,
Где нити всех земных сердец гнездятся, извиваясь, —
Страну печали, где улыбка не светит никогда.

Она бродила в царстве туч, по сумрачным долинам,
Внимая жалобам глухим, и часто отдыхала
Вблизи неведомых могил, прислушиваясь к стонам
Из глубины сырой земли... Так, медленно блуждая,
К своей могиле подошла, и тихо там присела,
И услышала скорбный гул пустой, глубокой ямы:

— Зачем всегда открыто ухо для роковых вестей,
А глаз блестящий — для улыбки, таящей сладкий яд?
Зачем безжалостное веко полно жестоких стрел,
Скрывая воинов бессчетных в засаде, или глаз,
Струящий милости и ласки, червонцы и плоды?
Зачем язык медовой пылью ласкают ветерки?
Зачем в круговорот свой ухо втянуть стремится мир?
Зачем вдыхают ноздри ужас, раскрывшись и дрожа?
Зачем горящий отрок связан столь нежною уздой?
Зачем завеса тонкой плоти над логовом страстей?..

Таль с криком ринулась оттуда — и в сумраке, никем
Не остановлена, достигла долин цветущих Гар.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ РАЯ И АДА

СМЫСЛ

Ринтра ревет и пылает в тяжелом небе;
Жадные тучи дрожат над пучиной.

Кроткий праведник некогда
Проходил по опасной дороге
В долине смерти.
Вместо терниев — розы,
На вереске пустоши
Поют медоносные пчелы.

Теперь не пройти по опасной дороге:
Из каждой скалы и могилы
Забил ручей и река,

И белые кости мертвых
Обагрились от красной глины;

И злодей оставил дорогу покоя
И по опасной дороге
Загнал человека в пустыню.

Ныне в нежном смиренье ползает
Злая змея.
И ярится праведник в голых странах,
Где бродят львы.

Ринтра ревет и пылает в тяжелом небе;
Жадные тучи дрожат над пучиной.

Тридцать три года назад с началом нового рая возродился и Вечный Ад. И взгляни: Сведенборг, словно Ангел, сидит на гробе, и слова его — на плащанице. Настало господство Едома, и Адам возвратился в рай; смотри книгу Исая, главы XXXIV и XXXV.

Движение возникает из Противоположностей. Влечение и Отвращение, Мысль и Действие, Любовь и Ненависть необходимы для бытия Человека.

Противоположности создают то, что верующие называют Добром и Злом. Добро пассивно и подчиняется Мысли. Зло активно и проистекает от Действия.

Добро — это Рай. Зло — это Ад.

ГОЛОС ДЬЯВОЛА

— Все Священные книги — причина Ошибочных Мнений:

1. Что человек разят на Тело и Душу.
2. Что Действие, то есть Зло, от Тела; а Мысль, то есть Добро, от Души.
3. Что Бог будет вечно казнить Человека за Действия. Но Истина — в Противоположном:
  1. Душа и Тело неразделимы, ибо Тело — частица Души и его пять чувств суть очи Души.
  2. Жизнь — это Действие и происходит от Тела, а Мысль привязана к Действию и служит ему оболочкой.
  3. Действие — Вечный Восторг.

Обуздать желание можно, если желание слабо: тогда мысль вытесняет желание и правит противно чувству.

Подавленное желание лишается воли и становится собственной тенью.

Об этом нам повествует «Утраченный Рай» и «Государь», где Разум назван Мессией.

А первоначальный Архангел, стратег небесного воинства, назван Дьяволом и Сатаной, а дети его — Грехом и Смертью.

Тот, кого Мильтон назвал Мессией, в Книге Иова — Сатана. Ибо историю Иова приняли обе враждующие стороны.

Мысль искренне презирает Желание, но Дьявол нас уверяет, что пал не он, а Мессия, и, пав, устроил Рай из того, что украл в Аду.

Смотри Евангелие, где Мессия молит Отца послать ему утешителя, то есть Желание, чтобы Мысль его обрела Подтверждение; библейский Иегова не кто иной, как тот, кто живет в пылающем пламени.

Знай, что после Христовой смерти он вновь стал Иеговой.

Но Мильтон считает Отца — Судьбой, Сына — Вместителем чувств, а Духа Святого — Пустотой!

Заметь, что Мильтон в темнице писал о Боге и Ангелах, а на свободе — о Дьяволе и Геенне, ибо был прирожденным Поэтом и, сам не зная того, сторонником Дьявола.

ПАМЯТНЫЙ СОН

Я шел среди адских огней, и мое Вдохновенье казалось Ангелам муками или безумием; а я собирал Пословицы, ибо если реченья народа раскрывают душу народа, то Пословицы Ада говорят о Мудрости Преисподней вернее, чем описания и рассуждения путешественника.

Вернувшись домой, над бездной пяти чувств, на хмурой отвесной круче над нынешним миром я увидел в тучах могучего Дьявола — он огнем высекал на камне то, что сегодня открыто людскому уму:

Вам, людям, не узнать, что в каждой птице на лету
Безмерный мир восторга, недоступный вашим чувствам!

ПОСЛОВИЦЫ АДА

Во время посева учись, в жатву учи, зимой веселись.

Прокладывай путь и веди борозду над костями мертвых.

Дорога излишеств приводит к дворцу мудрости.

Ничтожество угождает расслабленному богачу по имени Благоразумие.

Бездеятельное желание рождает чуму.

Червь, рассеченный плугом, не должен винить плуг.

Брось в реку того, кто пьет одну воду.

В одном и том же дереве глупец и мудрец найдут не одно и то же.

Кто не способен светить, не станет звездой.

Вечность — это любовь, закаленная временем.

Деловитой пчеле недосуг тосковать.

Часы измеряют время безумия, но не мудрости.

Здоровую пищу не ловят капканом или силком.

В голод твои друзья — мера, число и вес.

Птица на собственных крыльях не взлетит чересчур высоко.

Мертвый не мстит за обиды.

Благородный ставит соседа выше себя.

Упорствуя в глупости, глупец становится мудрым.

Глупость — одежда Лукавства.

Позор — одеяние Гордости.

Тюрьмы строят из камней Закона, Дома Терпимости — из кирпичей Религии.

Красота Павлина — слава Божья.

Похоть козла — щедрость Божья.

Свирепость льва — мудрость Божья.
Нагота женщины — творенье Божье.
От избытка горя смеются, а от избытка радости плачут.
Львиный рык, волчий вой, ярость бури и жало клинка суть
частицы вечности, слишком великой для глаза людского.
Лиса в капкане клянет не себя, но капкан.
Радость обременяет. Горе разрешает от бремени.
Для мужа — львиная шкура, для жены — овечье руно.
Птице — гнездо, пауку — паутина, человеку — дружба.
Веселый добрый дурак и хмурый злобный дурак сойдут за
умных, держа в руке розги.
Сегодняшняя истина прежде была лишь догадкой.
Крыса, мышь, лиса и кролик видят корни; лев, тигр, лошадь
и слон видят плоды.
Пруд копит воду, ручей расточает.
Одною мыслью можно заполнить бескрайность.
Говори откровенно, и лжец от тебя убежит.
Все достойное веры есть образ истины.
Учась у вороны, орел только губит время.
Лиса кормит себя, льва кормит Бог.
Думай утром. Действуй днем. Ешь вечером. Спи ночью.
Тот, кто тебе подчинился, познал тебя.
Как плуг подчиняется слову, так Бог слышит молитву.
Тигры гнева мудрей лошадей поученья.
Знай, что в стоячей воде отравя.
Не узнаешь меры, пока не узнал избытка.
Внимать упреку глупца достойно царя!
Очи огня, ноздри воздуха, губы воды, борода земли.

Слабый мужеством силен хитростью.
Ясень не учит яблоню росту; лошадь не учит льва охоте.
Благодарность приносит обильную жатву.
Если кто-то спасся от глупости, значит, и мы можем.
Душевную благодать нельзя замарать.
Видя Орла, видишь частицу Гения: выше голову!
Гусеница оскверняет лучшие листья, священник оскверняет
чистейшие радости.
Чтобы создать цветок, нужна работа веков.
Проклятие сковывает, Благословение освобождает.
Вино — чем старше, тем лучше; вода — чем свежей, тем
лучше.
Молитвы не сеют! Гимны не жнут!
Радости не смеются! Печали не плачут!
В мыслях Парение, в сердце Сострадание, в чреслах Красота,
в ногах и руках Соразмерность.
Небо — птице, море — рыбе, презренье — презренным.
Ворона хотела, чтоб мир почернел, сова — чтоб он побелел.
В Излишестве — Красота.
Если б лиса поучала льва, он бы сделался хитрым.
Человек выпрямляет кривые пути; Гений идет кривыми.
Лучше убить дитя в колыбели, чем сдерживать буйные стра-
сти.
Где нет человека, природа пустынна.
Люди не примут правды, если поймут ее, но не поверят.
Довольно! — то же самое, что: Чересчур!

Поэты древности одушевляли предметы вокруг себя, видели в них Богов или Гениев, звали их по именам и украшали их достоинством гор, лесов, озер, городов, народов, ибо мир они воспринимали шире и глубже, чем мы.

Они пристально изучали гения каждого города и страны и находили ему место в свите вымышленного божества.

И возникла картина миропорядка; но корыстные люди стремились представить во плоти вымышленные божества, и отрешить их от зримых предметов, и этим поработить доверчивых и неразумных: так возникли Священнослужители;

Они создавали обряды из мифов, сочиненных поэтами,

И наконец объявили, что все на земле сотворили Боги.

И люди забыли, что Все божества живут в их груди.

ПАМЯТНЫЙ СОН

Пророки Исаия и Иезекииль делили со мной трапезу, и я спросил, как они отважились утверждать, что Сам Бог говорил с ними, и не боялись, что неверно понятые слова их родят принужденье и ложь.

Исаия ответил: «Я не слышал Бога ушами и не видал глазами, но чувства мои нашли бесконечность в каждом предмете, и я уверовал, что голос праведного гнева есть глас Божий, и, не думая о последствиях, написал книгу».

Тогда я спросил: «Способна ли вера в свою правоту претворить эту веру в Истину?»

Он ответил: «Все поэты стоят на этом, и некогда вера сдвигала горы, но не многим дано уверовать».

Тогда Иезекииль сказал: «Философия Востока учила первоосновам восприятия мира: одни народы избрали одну основу, другие другую; мы, иудеи, учили, что первооснова — Поэтический Гений (я пользуюсь вашими словами), а другие основы вторичны; поэтому мы презирали иноземных Священников и Философов и пророчествовали, что все убедятся в первичности нашего Бога, Поэтического Гения; этого жадно жаждал наш великий поэт Царь Давид, ибо желал побеждать врагов и удерживать царства Поэзией; мы любили нашего Бога и отвергали богов сопредельных народов, и невежды решили, что мы хотим покорить все народы.

Наша вера сделалась жизнью: народы чтут иудейские книги и молятся иудейскому богу — кого же нам покорять?»

Я слушал их с удивлением и поверил в их правоту. После трапезы я попросил Исаию вернуть миру утраченные книги; он сказал, что ни одна важная книга не утрачена. То же сказал Иезекииль.

Потом я спросил Исаию, что заставило его три года ходить нагим и босым. Он ответил: «То же, что нашего друга грека Диогена».

Тогда я спросил Иезекииля, отчего он ел навоз и так долго лежал на левом и правом боку? Он ответил: «Я желал, чтобы люди поняли смысл бесконечности; то же делают и индейцы Америки; да и честен ли тот, кто противится своему гению или совети ради мига покоя и удовольствия?»

Истинна древняя вера в то, что мир в конце шести тысяч лет погибнет в огне, — так мне сказали в Аду.

Ибо когда Херувим с пламенеющим мечом оставит стражу у древа жизни, все творение испепелится и станет святым и вечным, как ныне греховно и тленно.

Путь же к этому — через очищение радостей плоти.

Для начала докажем, что душа и тело неразделимы; и я буду вытравливать мысли мои на металле кислотами, кои в Аду спасительны и целебны, ибо они разъедают поверхность предметов и обнажают скрытую в них бесконечность.

Если б врата познания были открыты, людям открылась бы бесконечность.

Но люди укрылись от мира и видят его лишь в узкие щели своих пещер.

ПАМЯТНЫЙ СОН

В печатне Ада я видел, как знания переходят от поколения к поколению.

В первой комнате Человек-Дракон выметал мусор с порога, куда его выносили другие Драконы.

Во второй — вдоль стен выгибался Змей, и его украшали серебром, золотом и камнями.

В третьей — Орел с воздушными крыльями утверждал бесконечность Ада, а вокруг него Люди-Орлы высекали дворцы в беспредельных скалах.

В четвертой — Львы огненным жаром дыхания превращали металлы в текучие жидкости.

Из пятой Безымянные существа проливали эти металлы в шестую.

В шестой — их вбирали Люди, расставленные по полкам, как книги.

Создавшие мир и ныне как будто окованные цепями мира Гиганты суть причины жизни и источники действий; но цепи — всего лишь хитрость слабых, покорных умов, которым достало силы сопротивляться силе; как гласит пословица: слабый мужеством силен хитростью.

Бытие создает Изобилие и Поглощение; Поглощение мнит, что держит в цепях Изобилие, но на деле берет ничтожную долю, принимая ее за целое.

Но Изобилие истощится, если избыток его восторгов не будет тонуть в морях Поглощения.

Кто-то спросит: «Разве не в Боге одном Изобилие?» Я отвечаю: «Бог существует и действует только в Людях».

Сторонники Изобилия и сторонники Поглощения живут на земле и вечно враждуют: кто старается их примирить, убивает жизнь.

Их старается примирить Религия.

Заметь: Иисус Христос не соединял, но разделял, и в Притче об агнцах и козлищах он говорит: «Не Мир пришел Я принести, но Меч».

Мессия, он же Сатана, он же Искуситель — не допотопная Древность, но нынешняя наша Сила.

ПАМЯТНЫЙ СОН

Ангел сошел ко мне и сказал: «О жалкий безумец! О мерзкий! О гибнущий! Жизнью своею ты себе уготовил в вечности огненную преисподнюю».

Я ответил: «Покажи мне мою судьбу, и мы вместе решим, чей жребий лучше, мой или твой».

Он повел меня сквозь конюшню, и церковь, и склеп, и в конце была мельница; мы прошли из нее в пещеру, и томительно долго спускались извилистым подземельем, и вот увидели под собою пустоту, бескрайнюю, как опрокинутые небеса, и на корнях растений повисли над пустотой; я сказал: «Бросимся в пустоту и посмотрим, есть ли в ней провидение, — если не хочешь, я брошусь один». Он ответил: «Смирись, юнец, когда расступится тьма, мы и отсюда увидим твой жребий».

И я остался сидеть на изогнутом корне дуба, а он держался за мох, свисавший с обрыва.

Мы рассмотрели бескрайнюю Бездну, яростную, как дым горящего города; внизу бесконечно далёко от нас светило черное солнце; вокруг черных лучей его вращались, ловя добычу, черные пауки, злоеющие твари, рожденные тлением; они летели, или, вернее, плыли, в бездонных глубинах, и воздух был так насыщен ими, что казалось, из них состоит: это Дьяволы; и зовут их Силами воздуха. Я спросил моего спутника, в чем же мой вечный жребий. Он ответил: «Быть в середине меж черными и белыми пауками».

Но из середины меж черными и белыми пауками вырвались туча и пламя, и глубь почернела, как море, и покатила с ужасным ревом; черная буря все скрыла от глаз, лишь на востоке с

неба в море спадал водопад из крови с огнем, и на расстоянии нескольких брошенных камней появилась и вновь погрузилась во мрак чешуя чудовища; и возник над волнами яростный гребень дракона, он поднимался, как золотистый гребень горы; и две сферы алого пламени разогнали тучи и дым: мы увидели пурпурную и зеленую голову Левиафана, полосатую, как голова тигра; мы увидели его пасть над клокочущей пеной и жабры, струившие кровь в черную глубину; он устремился к нам с неистовством гнева.

Друг мой Ангел бежал на мельницу; я остался один, и видение вдруг исчезло; я сидел у приятной реки в лунном свете и слушал арфу и песню: «Не склонный к переменам ум — стоячая вода, в воображении его — нечистых гадов рой».

Я пришел на мельницу к Ангелу; он удивился мне и спросил, как я спасаю.

Я ответил: «Ты показал мне плоды своей метафизики: когда ты бежал, я остался при лунном свете возле реки и слушал пение. Ты показал мне мой вечный жребий, а я покажу тебе твой». Он засмеялся, но я обхватил его, и мы полетели на запад сквозь ночь выше тени земной и опустились на солнце, и я облачился в белое, и, захватив тома Сведенборга, покинул страну сияния, и миновал все планеты, и мы прилетели к Сатурну: я отдохнул и ринулся в бездну между Сатурном и неподвижными звездами.

Я сказал: «Твой жребий — в этих пределах, если здесь предел». И вновь перед нами была конюшня и церковь, и я подвел Ангела к алтарю и раскрыл Библию, и — о, чудо! — это был вход в подземелье, и я погнал по нему Ангела к семи кирпичным домам и ввел в один дом; мартышки и обезьяны в нем, скалясь, броса-

лись друг на друга, насколько пускали их цепи, сильные, ухватив слабых, отгрызали им ноги и руки, обладали беспомощными телами и тотчас их пожирали; и мы от смрада сбежали на мельницу, и я принес с собою скелет, который был «Аналитикой» Аристора.

Ангел сказал: «Стыдись, ты показал мне свой бред».

Я ответил: «Мы оба показали друг другу свой бред, но я не буду попусту спорить с тобой, ибо твой труд — «Аналитика».

В Противоборстве суть истинной Дружбы.

Я всегда замечал, что Ангелы почитают мудрыми только себя; их самомнение — плод постоянного умствования.

И Сведенборг хвастает тем, что все сочиненное им ново, а на деле оно — Свод выжимок из старинных книг.

Человек водил напоказ обезьяну, ибо был немного умнее ее, но он возгордился и почел себя много умнее семерых мудрецов. Таков Сведенборг: он показал греховность церквей и ложь лицемеров и возомнил, что он один на земле вырвался из сетей религии.

Во-первых, Сведенборг не открыл ни одной новой истины. Во-вторых, его сочинения — старая ложь.

И вот причина: Сведенборг беседовал с Ангелами, которые любят религию, но тщеславие не позволило ему беседовать с Дьяволами, которые ее ненавидят.

Поэтому Сведенборг повторяет чужие мнения и исследует лишь небеса — но не больше.

И всякий посредственный человек способен из книг Парацельса и Якоба Бёме произвести десять тысяч томов равной ценности со Сведенборгом, а из книг Шекспира и Данте — бесчисленное их множество.

Но, так поступив, пусть не скажет, что превзошел своих учителей, ибо он всего лишь держит свечу при солнечном свете.

ПАМЯТНЫЙ СОН

Однажды я видел, как Ангел сидел на облаке и перед ним восстал Дьявол в пламени и сказал: «Поклоняться Богу — значит чтить дары его в людях, отдавать каждому должное и больше других любить великих людей: кто завидует и возводит хулу на великих, тот ненавидит Бога, ибо нет во вселенной иного Бога».

Ангел сделался синим, но совладал с собой, и сделался желтым, белым и, наконец, розовым, и с улыбкой ответил:

«О творец Кумиров! Разве Бог не Один? Разве он во плоти не являлся Иисусом Христом? Разве Иисус Христос не дал нам десять заповедей? Разве прочие люди не безумцы, грешники и ничтожества?»

Дьявол ответил: «Растолки безумца в ступе с пшеницей, и безумие отлетит от него. Раз Иисус Христос был самым великим человеком, ты должен любить его больше, чем всех остальных человек. Подумай же, как он дал свои десять заповедей. Разве не насмехался он над субботой и Богом субботы? Разве не убивал тех, кто убиты во имя его? Разве не отвратил закон от блудницы? Разве не крал чужой труд на пропитанье себе? Разве

не лжесвидетельствовал, когда не стал защищать себя перед Пилатом? Разве не соблазнялся, когда молился об учениках и когда повелел им отрясти прах от ног, выходя из дома того, кто не принял их? Я говорю: добродетель всегда нарушает заповеди. Иисус — добродетель и действовал от души, а не по законам».

И тут я увидел, как Ангел простер свои руки, и обнял пламя, и исчез в нем, и вознесся, как Илия.

Заметь: этот Ангел стал Дьяволом и ныне мой лучший друг; мы часто вместе читаем Библию и находим в ней inferнальный или дьявольский смысл, и мир его узнает, если того заслужит.

И еще у меня есть Библия Ада, и смысл ее мир узнает, хочет он того или нет.

Томление — общий закон для Льва и Вола.

ПЕСНЬ СВОБОДЫ

1. Возопила Вечная Женственность! Весь Мир услышал ее.
2. Но брег Альбиона безмолвен; луга Америки далеки!
3. Зыблются тени Пророчества по озерам и рекам, взывают через Атлантику: Разрушь темницу, о Франция!
4. Золотая Испания, рвы оковы ветхого Рима!
5. И ты, о Рим, брось ключи свои в бездну, да канут в вечность.
6. Зарыдай и склони почтенную седину.
7. Ибо новорожденный ужас взяла Женственность в слабые руки и указала:

8. На бескрайних нагорьях сиянья, за океаном — новорожденное пламя восстало пред оком алчного короля.

9. В хмурых снегах и грозных виденьях вороны крылья взвились над пучиной.

10. Но рука с занесенным копьём горит, рухнул шит; взметнулась рука алчности к вспыхнувшим волосам и отбросила в звездную ночь новорожденное диво.

11. Пламя, пламя с небес!

12. Ввысь, ввысь глядите! Увидь, что творится в мире, о горожанин Лондона! Брось считать золотые монеты, о Иудей, вернись к библейскому ладану и вину! О Африканец! О черный Африканец! (Лети, крылатая мысль, расширь ему разум.)

13. Руки и волосы в пламени, словно вечернее солнце, скрылись в западном море.

14. Нарушен вечный сон древней стихии, с ревом она уносится прочь:

15. Рухнул алчный король, тщетно крыльями бил он; седые его советники, грозные воины, дрогнувшие ветераны среди шлемов, щитов, колесниц, коней, слонов и знамен, крепостей, луков и стрел.

16. Мечутся, падают, гибнут! Погребены под руинами в подземельях Уртоны;

17. Всю ночь под руинами; иссякло мрачное пламя, толпятся они вокруг угрюмого Короля.

18. В огне и громе ведет он орды бесплодной пустыней, провозглашает десять вороных заповедей, но в черном унынии изпод век косится он на восток,

19. Где в златопером облачке утра сын пламени

20. Разгоняет тучи, исчерченные проклятьями, воздвигает столп закона на прахе, выпускает из подземелий ночи коней вечности и возглашает:

ИМПЕРИЯ УМЕРЛА! ОТНЫНЕ СГИНУТ И ЛЕВ И ВОЛК!

ПРИПЕВ

О Жрецы вороньего утра, теперь чернота ваша не смертоносна, не хулите ж сынов веселья! О приемные братья Ворона, — вас он, тиран, именует свободными, — не воздвигайте стен, не скрывайте крышами небеса! О бледный церковный разврат, сойди с пути вольных желаний девства!

Ибо все живое Священно.

1790—1793

ВИДЕНИЯ ДЩЕРЕЙ АЛЬБИОНА

*Глаз видит больше,
чем Сердце знает.*

СМЫСЛ

Я полюбила Теогормона
И не стыдилась, что люблю;
Я трепетала в страхе девичьем
И пряталась в долине Левты.

Я сорвала цветок над Левтою
И в путь пустилась из долины;
Но грозный гром одежду девичью
Ударом надвое рассек.

ВИДЕНИЯ

Рыдают в рабстве Дщери Альбиона, стон их слышен
В долинах и в горах; к Америке летят их вздохи:
Там безутешная душа Америки Утуна
Бродила по долине Левты, и себе в отраду
Цветок искала, и, найдя, спросила Маргаритку:

— Скажи, цветок иль нимфа ты? То вижу я цветок,
То нимфу. Разлучу ль тебя с твоим росистым ложем?

Златая нимфа ей в ответ: — Сорви меня, Утуна!
Другой цветок взрастет взамен меня: душа блаженства
Бессмертна. — И укрылась нимфа в венчике златом.

Утуна сорвала цветок, сказав: — Ты разлучилась
С росистым ложем. — так сияй же на моей груди:
С тобой мне весело спешить, куда влечет душа.

И полетела на волнах крылатого блаженства,
Над царством Теотормона пустилась в быстрый путь.

Но громом Бромиион сразил ее; она упала
На ложе бурное его и воплем гром пронзила.

Воззвал глумливый Бромиион: — Взгляни, в моих объятьях —
Блудница, и хранят ее ревнивые дельфины!

Твоя Америка — моя, мой твой юг и север,
И выжжено мое тавро на черных детях солнца.
Они не ропщут и покорны моему бичу,
Их дочери дрожат меня и уступают силе.
Бери мою наложницу, храни мое дитя —
Ты через девять месяцев его получишь в дар!

Но потрясенный Теотормон отгоняет бурю,
И волны темной ревности спешат к прелюбодею.
Спиной к спине в пещерах Бромниона страх и срам.
Пред входом, слезы затаив, упорный Теотормон;
У ног его, как волны на пустынном берегу,
Вскипают голоса рабов; их продают за деньги,
В монашеские норы загнала их злая похоть —
Ее, как лаву, непрерывно изрыгают горы.
Утуна слез не льет, не может: слезы в ней иссякли;
Но тело снежное ее трепещет от стенаний,
Она к себе скликает Теотормоновых птиц:
— Ко мне, Орлы, владыки звонких токов неба!
Когтями рвите грудь мою и обнажите душу,
Чтоб образ Теотормона запечатлелся в сердце.

Орлы слетелись и когтили жалобную жертву;
Сурово улыбнулся Теотормон, и Утуна
В душе своей запечатлела горькую улыбку —
Так солнце после бури отражается в реке.

Вздыхают Дщери Альбиона, слыша стон Утуны.

— Зачем рыдает у пещер мой грозный Теотормон,
Зачем душа Утуны тщетно молит о спасенье?
Восстань, о Теотормон, ибо деревенский пес
Залая пред рассветом, соловей окончил песню,
И жаворонок шелестит во ржи, и возвратился
С добычею Орел, и поднял клюв к востоку,
И стряхивает прах с бессмертных крыльев, и зовет
Медлительное солнце. Пробудись, мой Теотормон,
Меня пятнала тьма, но ночь прошла, и я чиста.
Мне говорят, что только ночь и день могу я видеть,
Что пять моих убогих чувств мою замкнули душу
И заключили в тесный круг мой беспредельный разум,
А сердца моего горящий шар низвергли в Бездну;
Мне говорят, что я навек отторжена от жизни,
Что утром для меня восходит туча, а не солнце,
И вечером ступаю я не к ночи, а к могиле:
Мой Теотормон мне не внимлет! Для его души
Что свет — что тьма: ночь вздохов или утро свежих слез.

Лишь Бромнион с усмешкой слышит мой унылый стон.

Что заставляет кур бежать от ястребиной злобы?
Что заставляет голубей искать дорогу к дому,
А пчел роиться в улье? Разве мыши и лягушки
Не обладают зрением и слухом? Отчего же
Их нравы, обиталища и радости различны?
И отчего осел упряма, и отчего верблюды
Покорены человеку? Оттого ли, что у них

Есть зренье, осязанье, обонянье, слух и вкус?
Нет, ибо тем же наделен равно и тигр и волк.
Спроси червей о тайне гроба, отчего они
Живут среди костей? Спроси коварную змею,
Откуда в ней смертельный яд; затем орла спроси,
Зачем он любит высь и солнце; и тогда открой мне
Издревле затаившиеся мысли человека.

Когда бы Теотормон обратил ко мне свой взор,
Я не стенала бы весь день, всю ночь бы не стенала.
Да есть ли грех на мне, когда во мне твой чистый образ?
Всех слаще — плод, в котором червь; душа, в которой горе;
Ягненок, на котором дым костра; и яркий лебедь
У красных берегов реки бессмертья. Я омыла
Крыла свои и тороплюсь прильнуть к твоей груди.

Прервал свое молчанье Теотормон и ответил:

— Скажи, что значат свет и тьма в земной юдоли горя?
И что такое мысль и какова ее природа?
И что такое радость, где она, в каких садах?
В каких потоках скорбь струится, на какие горы
Упала тень тоски и где влачат свой век страдальцы,
Кого дурман трудов спасает от самоубийства?
Скажи, кем жидется забытая до срока мысль
И где живет былая радость и минувшая любовь?
Когда они вернутся к нам, и сгинет мрак забвенья,
И я смогу перенестись сквозь время и пространство

И облегчить сегодняшнюю боль, и мрак, и горе?
Куда ты улетаешь, мысль, в какой далекий край,
И если возвратишься в этот бедствующий мир,
Что принесешь ты на крылах — росу, бальзам и мед
Иль яд из водяных пустынь, из вражеских очей?

Тут Бромиион сотряс свои пещеры грозным криком:

— Ты видишь древние деревья и на них плоды —
Узнай же, что деревья и плоды произрастают
Для чувств, не ведомых поднесь; что под всеисильной линзой
Предвидятся в иных мирах, морях и небесах
Такие твари, о каких не мыслил открыватель.
Знай: войны на земле ведут не только огонь и меч;
Знай: бедствия несут не только нищета и скорбь,
Равно как счастье — не одни богатство и довольство!
Пойми же: не один закон для льва и для осла;
Нет вечного огня, равно как вечных нет цепей,
Способных призраку жизни отрешить от вечной жизни!

В молчании Утуна протомилась день и ночь;
Когда же вновь настал рассвет, то вновь она взмолилась.

Вздыхают Дщери Альбиона, слыша стон Утуны.

— О Уризен, творец людей, небес немудрый Демон,
Вотще ты людям дал свой образ: поглощают слезы
Их радость! Разве ты не породил иную радость —

Святую, безграничную, бессмертную Любовь?
Но разве алчный рот скупца не презирает щедрость?
И разве узкий глаз не отвергает бескорыстья?

Возьмешь ли ты в советчики мартышку? Дашь ли детям
В учителя собаку? Не одной и той же страстью
Подвигнуты и те, кто отгоняет жалких нищих,
И те, кто отвращается от злых ростовщиков.
О, разве щедрый на дары поймет восторг торговца?
И разве горожанин знает муки земледельца?
И разве с ними схож тупой наемник с барабаном —
Он превращает ниву в пустошь и горланит песни!
Какие разные у всех миры, глаза и уши!
Как смеет пастор требовать даров у хлебопашца,
В какие сети и силки он ловит прихожан,
Как в души их вливает отвлеченные понятия
И загоняет в дебри одиночества и страха —
И строит храмы и дворцы, достойные царей!
Каким заклятьем юную неопытную деву
Он сочетает с ненавистной старостью? Должна ли
В цепях усталой похоти она прожить всю жизнь
И мертвенными ледяными думами завешивать
Прозрачный небосвод своей весны, сходить с ума,
И вянущие плечи подставлять бичам зимы,
И по ночам кружиться в колесе притворной страсти,
И с отвращением рождать незрелых, нежеланных
Детей, подобных серафимам, но в людском обличье.

Нечистым семенем они зачаты ради смерти —
Как им любить родителей, как им ценить свой труд.
Когда в их робкие глаза вонзились стрелы дня?

Скулит ли кит голодным псом у твоего порога?
Вдыхая воды океана, может ли он чують
Добычу высоко в горах, и так же ли, как ворон,
Он видит облака и, как стервятник, мерит небо?
Паук плетет ли паутину над гнездом орла?
При виде полных закровов порадуется ль муха?
Нужна ль орлу земля и все подземные богатства?
Зато их знает крот, о них тебе расскажет червь —
Не он ли воздвигает столп над рыхлой почвой тленья?
И вечный свой дворец в несытых челюстях могол?
Не на пороге ль гроба надпись: «Человек, познай
Блаженство и верни себе младенческую радость!»

Младенчество! Бесстрашное, счастливое, святое,
Ты жадно жаждешь радостей и льнешь к груди блаженства.
Невинность! Честная, открытая, ты страстно ищешь
Восторгов утра и вкушаешь девственное счастье.
Кто научил стыдливости дитя ночного сна?
Проснувшись, не предашь ли ты свои простые тайны,
Иль вовсе не проснешься ты, когда спадет завеса?
Тогда ты выйдешь в мир суровой лицемерной девой,
И девственную радость будешь уловлять силками,
И заклеишь ее блудницей, и продашь за деньги
В ночи, в молчании, без шепота, в притворном сне.

Святые звезды и высокие мечты взирают
На дымный пламень, вспыхнувший однажды чистым утром.
О Теотормон, ты ли жаждешь скромности поддельной,
Искусного, опасливого, злого лицедейства?
Коль так, твоя Утуна — шлюха, девственная радость —
Распутница, а сам ты, Теотормон, — бред безумца.
Ужель я — хитрая рабыня набожной корысти?

Нет, я не такова: я дева и лечу мечтами
Навстречу радости и счастью. На восходе солнца
Открытые глаза мои в согласии счастливым,
А вечером, усталая, я нахожу отраду
На тихом берегу реки в покое и приволье.

О, миг восторга! Миг восторга! Вожделет дева,
Чтоб юноша ей чрево пробудил для наслажденья
В укромной тишине, — иначе юность под замком
Разучится рождать детей и мыслить милый облик
В тени стыдливых занавесей на немой подушке.
Зачем ты ищешь благочестья? Разве в нем награда
За годы воздержания и самоотрицанья?
Ты презираешь грубость плоти и зовешь к безбрачью,
В котором тьма пронизана роением желаний?
Будь проклят, Породитель гнусной Ревности! За что
На Теотормона ты наложил свое проклятье?
Пока мои сияющие плечи не померкли —
Я — тень, рыдающая у границ небытия.

И я зову: Любовь! Любовь! Счастливая Любовь,
Счастливая, свободная, как ветер на вершинах!
Не ты, Любовь, туманишь ночь — сомнем, день — слезами,
Не ты сетями старости неволишь человека,
И он уже не видит плод, висящий перед ним.
Не ты, но Себялюбие, скелет с горящим взором,
Ревнивый сторож над чужим холодным брачным ложем.

Но дев нежно-серебряных и жарко-золотых
В силки из шелка или в западни из бирюзы
Утуна для любимого уловит и, сама
Счастливая, увидит их счастливое соитие,
Их прихотливую игру с тобой, мой Теогормон.
Горя желаньем, словно первый алый луч рассвета,
Утуна будет созерцать чужой восторг, и Ревность
Не омрачит ей, бескорыстной, небеса Любви.

Сойдет ли солнце в праздничных одеждах в подземелье,
Где скряга прячет золото? Опустится ли тучка
На каменный порог его? Увидит ли злодушный
Лучи добра, что расширяют очи сострадания,
Или, как вол, пойдет он по привычной борозде?
Ужели благотворные лучи бессильны против
Совы, Летучей Мыши, Тигра и Владыки Ночи?
Морская птица прячется в ненастном зимнем ветре,
Змея к себе приманивает золото и жемчуг,
А злаки, звери, птицы, люди вечно жаждут счастья.

Восстаньте ж и зачните песнь младенческому счастью!
Восстаньте ж для блаженства, ибо все живое свято!

Так стонет дева каждым утром, ибо Теогормон
Напрасно спорит с грозными тенями океана.

Вздыхают Дщери Альбиона, слыша стон Утуны.

1793

ИЗ ПОЭМЫ «МИЛЬТОН»

* * *

На этот горный склон крутой
Ступала ль ангела нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии луга?

Светил ли сквозь туман и дым
Нам лик господний с вышины?
И был ли здесь Ерусалим
Меж темных фабрик сатаны?

Где верный меч, копьё и шит,
Где стрелы молний для меня?
Пусть туча грозная примчит
Мне колесницу из огня.

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.

* * *

Ты слышишь, первый соловей заводит песнь весны —
Меж тем как жаворонок ранний на земляной постели
Сидит, прислушиваясь молча, едва забрезжит свет.
Но скоро, выпорхнув из моря волнующейся ржи,
Ведет он хор веселый дня —
Трель-трель, трель-трель, трель-трель, —
Взвиваясь ввысь на крыльях света — в безмерное
пространство.

И звуки эхом отдаются, стократ отражены
Небесной раковиной синей. А маленькое горло
Работает, не уставая, и каждое перо
На горле, на груди, на крыльях трепещет от прилива
Божественного тока. Вся природа,
Умолкнув, слушает. И солнце на гребне дальних гор
Остановилось и глядит на маленькую птичку
Глазами страха, удивленья, смиренья и любви.
Но вот из-под зеленой кровли свой голос подают
Все пробудившиеся птицы дневные — черный дрозд.
Малиновка и коноплянка, щегол и королек —
И будят солнце на вершине от сладостного сна.

А там уж снова соловей зальется щедрой трелью,
Защелкает на все лады с заката до утра.
И всюду — в рощах и полях — с любовью, с изумленьем
Перед гармонией его умолкнет птичий хор.

* * *

Ты замечаешь, что цветы льют запах драгоценный.
Но непонятно, как из центра столь малого кружка
Исходит столько аромата. Должно быть, мы забыли,
Что в этом центре — бесконечность, чьи тайные врата
Хранит невидимая стража бессменно день и ночь.

Едва рассвет забрезжит, радость всю душу распахнет
Благоухающую. Радость до слез. Потом их солнце
До капли высушит.

Сперва тимьян и кашка
Пушистая качнутся и, вспорхнув
На воздух, начинают танец дня
И будят жимолость, что спит, объемя дуб.

Вся красота земли, развив по ветру флаги,
Ликует. И, глаза бессчетные раскрыв,
Боярышник дрожит, прислушиваясь к пляске,
А роза спит еще. Ее будить не смеет
Никто до той поры, пока она сама,
Расторгнув пред собой пурпурный полог,
Не выйдет в царственном величье красоты.

Тогда уж все цветы — гвоздика, и жасмин,
И лилия в тиши — свое раскроют небо.
Любое дерево, любой цветок, трава
Наполнят воздух весь разнообразной пляской.
Но все же в лад, в порядке строгом. Люди
Больны любовью...

КОММЕНТАРИИ

«Открытие» художественного наследия Блейка относится к 50-м годам XIX века, когда стараниями участников образовавшегося в 1848 г. «Прерафаэлитского братства» — и прежде всего братьев Уильяма Майкла (1829—1919) и Данте Габриэля (1828—1882) Россетти — были собраны сохранившиеся экземпляры блейковских оттисков и рукописи поэта, что позволило осуществить первые, весьма несовершенные издания лирики и «Пророческих поэм». В 1863 г. вышло в свет двухтомное жизнеописание Блейка, подготовленное еще одним из «прерафаэлитов» — Александром Гилкристом (переиздавалось в 1880 и 1907 гг.). С этого времени количество изданий Блейка непрерывно растет. Быстрыми темпами пополняется и литература о его творчестве; среди книг о Блейке необходимо отметить работы таких видных английских писателей рубежа XIX и XX вв., как О. Суинберн (1868, переизд. 1906), А. Саймонс (1907), Г.-К. Честертон (1910).

Первое научное издание блейковских текстов (три тома) осуществлено в 1925 г. выдающимся английским текстологом сэром

Дж. Кинсом, работавшим над наследием Блейка в общей сложности больше шестидесяти лет. Дж. Кинс подготовил и факсимильные перепечатки всех дошедших до нас награвированных блейковских изданий. В 1957 г. им опубликован однотомник, включивший все сохранившиеся тексты Блейка и варианты к ним; текст этого издания считается каноническим и перепечатывается во всех сборниках произведений Блейка, появившихся с той поры.

В России имя Блейка известно с 1834 г., когда в «Телескопе» появилась первая заметка о его жизни и искусстве, перепечатанная из какого-то английского журнала и характерная для тогдашних представлений о Блейке как визионере и «безумце». Первые переводы из Блейка сделаны К. Бальмонтом в 1900 г. (включены в книгу переводов Бальмонта «Из мировой поэзии», изд. «Слово», Берлин, 1921). Бальмонтом написана статья «Праотец современных символистов» (вошла в его книгу «Горные вершины», изд. «Гриф», М., 1904), содержащая попытку характеристики Блейка.

С 10-х годов Блейка начал переводить С. Маршак, периодически возвращавшийся к блейковской поэзии на протяжении десятилетий и впервые сделавший лирику английского поэта достоянием широких кругов наших читателей. В 1965 г. вышла в свет книга «Вильям Блейк в переводах С. Маршака». Значительная часть переводов С. Маршака вошла в блейковский раздел тома «Поэзия английского романтизма XIX века», изданного в 1975 г. в серии «Библиотека всемирной литературы». Многие переводы этого мастера включены и в настоящее издание, которое отражает также и работу других поэтов-переводчиков, по большей части обратившихся к наследию Блейка в последние годы.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗ КНИГИ «ПОЭТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ»

Сборник юношеских стихотворений Блейка «Поэтические наброски» был единственной книгой, изданной при жизни поэта. Средства на издание были предоставлены общественной деятельницей Гарриет Мэтью, чей муж, священник Энтони Стивен Мэтью, написал к книге предисловие, а также живописцем Джоном Флаксомэном. Книга отпечатана в 1783 г., однако в продажу не поступила — крайне не удовлетворенный как композицией сборника, составившегося без его участия, так и предисловием Мэтью, Блейк забрал из типографии весь тираж, намереваясь его уничтожить. До нашего времени сохранилось 22 экземпляра из числа книг, подаренных Блейком его знакомым.

Песня (стр. 35). — По свидетельству одного из друзей Блейка, написано поэтом в 14 лет, когда институт брака уже ассоциировался в его сознании с темницей. В переводе Маршака утрачен ключевой образ «золотой клетки». Приводим неопубликованный перевод А. Парина.

Несли беззаботные крылья мои
Меня по лугам, по долинам,
Пока я не встретила князя любви
И стал он моим властелином.

И он плетеницей уви́л мне чело
И в волосы впле́л мне лилей,
И в сад, где все золотом буйным цвело,
Вошла я, от счастья хмелея.

И майские росы кропили крыла,
И пела я песни ликуя —
Шелковая сеть мне крыла оплела,
Попала я в клеть золотую.

И любо с улыбкой у клетки сидеть
И слушать меня чародею,
На крылья мои золотые глядеть,
Глумясь над неволей моею.

К Весне, К Лету, К Осени, К Зиме (стр. 37—44). — Так называемые «Стихи о временах года» многими исследователями рассматриваются как первое философское произведение Блейка, в котором присутствует идея цикличности человеческой жизни и обнаруживается один из важнейших принципов блейковской космогонии — ее четырехступенчатое построение. В символике «Пророческих поэм» Вселенная представлена в процессе прохождения через четыре духовных состояния: Рай (высшее единство Творца и его творения), Порождение (распад органической связи между человеком и богом, между человеком и другими людьми), Беула (христианский идеал восстановления этой связи, который для Блейка и при условии его осуществления не означает обретенного рая; Беула рассматривается им только как Лимб), Ульро (мир современной Блейку социальной жизни, Ад). Каждому из этих состояний присуща своя доминирующая «эмоция»: Раю — страсть, Порождению — интеллект, Беуле — милосердие и любовь, Ульро — желание и инстинкт.

Безумная песня (стр. 45). — Заключает в себе несомненные отголоски «Короля Лира», прежде всего монологов Эдгара.

Считается самым ранним из тех произведений Блейка, в которых отразились посещавшие его мистические «видения»; один из крупнейших блейковедов, канадский ученый Н. Фрай указывает, что в «Безумной песне» выражено неприятие узкорационалистического толкования человеческой природы, свойственного механистическому материализму XVIII века.

К музам (стр. 47). — Написано не без влияния поэмы сентименталиста Томаса Грея (1716—1771) «Путь поэзии» (1759), завершающейся ламентациями по поводу современного упадка искусства слова, неспособного достичь высот, на которых оно «обреталось» в античности.

Ида — гора на Крите, место рождения Зевса; по другим мифам, эта гора расположена вблизи Трои и на ней происходил суд Париса.

Король Гвин (стр. 54). — Точное заглавие оригинала — «Гвин, король Норвегии». Сюжет баллады взят Блейком из стихотворений Томаса Чаттертона (1752—1770), многие из которых являются имитацией средневековой фольклорной поэзии.

Песня менестреля (стр. 60). — Из драмы «Король Эдвард III». Попытка Блейка написать драму на исторический сюжет в духе «Эллы» Чаттертона и шекспировских хроник относится к 80-м годам XVIII века; драма осталась неоконченной. Как и у Чаттертона, в «Короле Эдварде III» переплетаются отзвуки античных мифов и сказаний об историческом прошлом Британии.

ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ,
ПОКАЗЫВАЮЩИЕ ДВА ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ СОСТОЯНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

«Песни Неведения» были награвированы Блейком в 1789 г. (31 лист); это было их единственное издание — сохранилось 22 экземпляра.

«Песни Познания» были награвированы вместе с «Песнями Неведения» в 1794 г. (54 листа, сохранилось 28 экземпляров этого издания). В дальнейшем Блейк всегда гравировал оба цикла совместно.

Идея объединения двух циклов в единое целое могла быть подсказана Блейку его любимым поэтом Мильтоном, издавшим в 1645 году в качестве двухчастного произведения свои поэмы «L'Allegro» и «Il Penseroso», изображающие одного и того же героя на двух различных стадиях его духовного развития — вначале перед нами беззаботный юноша, затем задумчивый человек, почитающий «божественную Меланхолию». Новейшие исследователи Блейка (Дж.-Д. Джиллхэм, М. Нурми и др.) склоняются, однако, к мысли, что идея двухчастности существовала в творческом сознании Блейка еще до того, как были написаны первые из «Песен Неведения». Во всяком случае, основная книга лирики Блейка выразила содержание намного более глубокое, чем юношеские поэмы Мильтона.

Вступление (стр. 63) выражает основную мысль всего цикла: дитя, которое при звуках свирели сначала весело смеется, затем горько плачет и, наконец, плачет от радости, — это блейковский символ духовной жизни человека, от безмятежности Неведения через жестокость Познания приводящей личность к высшему, мудрому жизнеприятию.

Приводим не публиковавшийся ранее перевод В. Топорова.

С дудкой я бродил в лесах,
Дул в зеленое жерло.
Вижу: с тучки в небесах
Свесилось дитя мало.

— Про ягненка мне сыграй! —
Я сыграл, как мне велят.
— Ах! и снова начинай! —
Вижу: божий мальчик рад.

— Если в песне есть слова,
Их, счастливец, не таи! —
Спел я, что играл сперва.
Хвалит он слова мои.

— В книжку песню помести,
Чтобы все прочесть могли! —
И уж облачко в пути...
Взял я пригоршню земли,

Ею воду замутил
И тростинку поломал:
Без пера и без чернил
Детям книгу написал.

Стихотворения двух циклов диалектически взаимосвязаны и в ряде случаев образуют микроциклы, состоящие из двух частей. Таковы «Маленький трубочист», «Нянюшкина песня», «Святой четверг», «Гю образу и подобию», «Заблудившийся мальчик», помещенные в обоих циклах под одним и тем же названием, а также «Агнец» цикла о Неведении и «Тигр» цикла о Познании, «Цветок»

и «Большая роза», «Дитя-радость» и «Дитя-горе», «Зеленое ау» и «Сад Любви», «Пастух» и «Лондон». Блейк перемещал стихи из «Песен Неведения» в «Песни Познания», что является еще одним аргументом в поддержку предположения об изначальном единстве замысла обоих циклов. Так, «Заблудшая дочь» была награвирована уже в 1789 г. вместе с другими «Песнями Неведения», однако в последующих блейковских изданиях помещалась в отдел «Песни Познания».

Черный мальчик (стр. 69). — Приводим перевод В. Топорова, ранее не публиковавшийся.

НЕГРИТЕНОК

Там, где рожден я, — солнце и песок,
И черен я, одна душа бела.
Английский мальчик — белый ангелок,
А негритянский — черная смола.

Мать прятала меня в тени дерев
От зноя, наступающего днем,
И, к небу руку черную воздев,
С любовью говорила мне о нем:

— На небе солнце, а на солнце Бог,
Он дарит свет, он дарит свет и тень,
Чтоб каждый человек, зверек, листок
Хвалил рассвет и славил ясный день.

Лучи любви небесной горячи,
И жар любви мы вытерпеть должны;
Сгорели б мы, Господь не облачи
Нас в черные сплошные пелены.

Душа не знает этой черноты
И белоснежной выйдет из пелен,
Когда раздастся Голос с высоты
И призовет ягнят на небосклон.

Так мать мне говорила в той стране,
Так, белый мальчик, я скажу тебе:
— Ты в белой, сам я — в черной пелене,
Но нас, ягнят, зовет Господь к себе;

Я помогу тебе снести жару
На солнечной дороге в небеса,
И выйдем, братья, к божьему шатру,
И я твои поглажу волоса.

Святой четверг (стр. 81). — Имеется в виду День Вознесения у англикан. В лондонском соборе Святого Павла в этот день на торжественную службу собирали сирот. Печатающийся вариант перевода С. Маршака взят из архива поэта.

Приводим не публиковавшийся ранее перевод В. Топорова.

Они проходят по два в ряд — сама Невинность с ними!
Они идут, лаская взгляд одежками цветными.
Седые старцы впереди, чья кожа — жестче пемзы.
Толпа вливается в собор, как будто воды Темзы.

Какие россыпи цветов — зеленый, синий, красный!
Откуда в Англии они — в туманной и ненастной?
Услышишь: галками галдят, присмотришься: ягнята;
Обряд свершается святой, и сами дети святы.

Вот вихрем пенье поднялось и в небо полетело.
Гром чистогласный огласил церковные приделы.
И старцы, мудры и щедры, душой взмывают к богу.
Даянье — благо; не гони просителя с порога.

Маленький трубочист (стр. 107). — Приводим перевод
С. Маршака:

Черный маленький мальчик на белом снегу.
— Чистить трубы кому? — он кричит на бегу.
— Где отец твой и мать? — я спросил малыша.
— Оба в церкви, — сказал он, на пальцы дыша.

— Оттого, что любил я играть на лугу,
А зимою валяться в пушистом снегу,
Был я в черное платье, как в саван, одет
И пошел в трубочисты с младенческих лет.

Слышат мать и отец, что я песню пою,
И не знают, что жизнь загубили мою.
Славят бога они и попа с королем —
Тех, что рай создают на страданье моем.

Больная роза (стр. 109). — Приводим не публиковавшийся
ранее перевод А. Парина:

О роза, ты гибнешь!
Червь, миру незрим,
В рокотании бури,
Под покровом ночным

Высмотрел ложе
Алого сна твоего
И потайной и мрачной любовью
Губит твое естество.

Лилии (стр. 118). — Приводим два других перевода этого сти-
хотворения, важного для творчества Блейка в целом. Перевод
С. Маршака:

Есть шип у розы для врага,
А у барашка есть рога.
Но чистая лилия так безоружна,
И, кроме любви, ничего ей не нужно.

Неопубликованный перевод А. Парина:

ЛИЛЕЯ

Тернием колет Роза, строга.
Овечка грозя подымает рога.
А Лилея, бела, для любви расцвела,
Не угрозой, не тернием — красотою взяла.

К Тирзе (стр. 136). — Имя «Тирза» взято из «Песни песней» (6,4); в данном случае Тирза олицетворяет физическую страсть, которая отвергнута поэтом, поскольку плотская любовь лишает человека духовности. Ср. слова Христа, обращенные к Марии (Евангелие от Иоанна, 11,4): «Что Мне в Тебе, Жено?» Перевод этого стихотворения (а также стихов «Странствие» и «Вильям Бонд») выполнен В. Топоровым для этого издания заново.

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1793)

Тетрадь (58 листов), заполнявшаяся примерно до 1811 года стихами и рисунками Блейка, приобретена Данте Габриэлем Россетти в 1847 г. у брата художника Сэмюэла Палмера, с которым Блейк дружил в последние годы жизни. Одновременно Британский музей купил по одному экземпляру поэмы «Иерусалим» и

иллюстраций к «Книге Иова», тем самым положив начало академическому признанию Блейка — прежде всего как художника. В 1852 г. коллекционер Р. Майлс купил на аукционе богатую блейкиану Томаса Баттса, ближайшего друга поэта, после чего оказались возможными сравнительно полные издания наследия Блейка.

В издании Дж. Кинса (1957) поэтический материал «Манускрипта Россетти» хронологически подразделен на три раздела, что обосновано редактором соображениями как историко-литературного, так и текстологического характера. В некоторых других изданиях (например, в американском издании, подготовленном А. Кейзином для серии «Избранные классики» издательства «Викинг» — 1946, переизд. 1968) деление Дж. Кинса не принимается и лирические произведения Блейка, не вошедшие в «Поэтические наброски» и «Песни Неведения и Познания», печатаются под общим титулом «Стихи и фрагменты» (или «Небольшие стихотворения и отрывки», как в издании У.-Б. Йейтса 1921 г.). Мы сохраняем деление, предложенное Дж. Кинсом.

Пророчество Мерлина (стр. 155). — *Мерлин* — волшебник в кельтских сказках; у Томаса Мэлори в «Смерти Артура» (1485) Мерлин — советник короля, провидящий ход событий на много лет вперед.

Темза и Огайо (стр. 157). — Один из ранних откликов Блейка на американскую революцию 1776 г., воспринятую им как начало освобождения всего человечества из темниц современного Вавилона. Этот мотив является важнейшим в поэме Блейка «Америка» (1793).

«Двери настежь, парижские бордели...» (стр. 166). — Стихотворение навеяно событиями французской революции 1789 г.

Королева Франции — Мария-Антуанетта, *Король* — Людовик XVI; оба казнены восставшим французским народом, поэтому Людовик и назван «*He Pородившим, Сына Отцом*» (сын этой королевской четы Людовик XVII, провозглашенный эмиграцией французским королем, умер в заточении в 1795 г., когда ему было десять лет). Маркиз Мари-Жозеф де *Лафайет* (1757—1834) — активный участник американской революции; во время событий 1789 г. занимал роялистскую позицию.

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1800—1803)

Свою датировку материалов тетради Россетти (ок. 1792 — ок. 1811 гг.) Дж. Кинс, в частности, обосновывает тем, что на листах, где записаны вошедшие в данную группу стихотворения, сохранились наброски к «Песням Познания» (1794); с другой стороны, на тех же листах есть черновики рисунков, над которыми Блейк работал, живя у Хейли в Фелпхэме (1800—1803), что и позволяет говорить о поэтических текстах, расположенных в тетради на лл. 2—14, как о группе произведений фелпхэмского периода, точно датированного.

Призрак и Эманация (стр. 169). — По определению Н. Фрая, «Блейк называет Призраками (Spectres) абстрактные идеи и прежде всего Себялюбие. С этим понятием связано другое — «Эманация», т. е. целостная форма всех вещей, которые любит и которые создает человек»¹. Призрак, или Спектр, — это человеческий радио на ступени Порождения, когда связь человека и

¹Northrop Frey. *Fearful Symmetry. A Study of William Blake*. New York, 1969, p. 73.

бога, а тем самым и целостность человека уже утрачены. В поэме «Мильтон» (1809) читаем: «Дух Отрицания есть Спектр, или же Рациональные Способности Человека, и это Позолота, скрывающая Бессмертный мой Дух, и это Себялюбие, которое необходимо отринуть и уничтожить навеки». По символике Блейка, человек, обращающий себя в таком образом понятий Спектр, неположен даже физически — Эманация есть утраченное «женское» начало, та духовность, которая восстанавливает целостность личности и в физическом отношении, поскольку на ступени Рая преодолевается не только гипертрофия рационального, которое подавляет чувственное, но и само разделение Человека на начало мужское и женское.

«Се хлеб, — сказал он, — се вино». — Евангелие от Матфея, 26, 26—28; от Марка, 14, 22—24; от Луки, 22, 19—20.

О девственности девы Марии и Джоанны Саускотт (стр. 173). — Джоанна Саускотт (1750—1814) — глава секты, исповедовавшей идеи, близкие хилиазму сведенборгианцев, с которыми был связан Блейк (см. вступительную статью). В 1814 г. Саускотт провозгласила, что носит во чреве второго мессию, и была подвергнута медицинской экспертизе. О роли сектантских учений в духовном развитии Блейка см. работу английского историка-марксиста А. Мортонга «Вечносущее евангелие» в его кн. «От Мэлори до Элиота», М, 1970.

«Живей, Вольтер! Смелей, Руссо!..» (стр. 174). — В 1791 г. в поэме «Французская Революция» Блейк горячо приветствовал передовые идеи выдающихся мыслителей Франции XVIII века; стихотворение свидетельствует о разочаровании поэта в ходе событий на континенте и, по мнению ряда исследователей,

должно быть датировано 1804 г., когда Наполеон провозгласил себя императором (в тот же год Бетховен разорвал титульный лист Героической симфонии, на котором стояло посвящение Бонапарту).

Ньютон разъял на части свет... — Речь идет о ньютоновском открытии семи основных цветов спектра.

ИЗ «МАНУСКРИПТА ПИКЕРИНГА» (1800—1803)

Тетрадь (преимущественно со стихами), находившаяся в 60-е годы прошлого века во владении издателя Уильяма Пикеринга, еще в 1839 г. осуществившего совместно с Дж. Ньюбери издание «Песен Неведения и Познания» типографским способом, без иллюстраций. Тексты этой тетради напечатаны А. Гилкристом в «Жизнеописании» 1863 г.

Улыбка (стр. 176). — С. Маршаком переведены две первых строфы этого стихотворения:

Есть улыбка любви
И улыбка обмана и лести.
А есть улыбка улыбок,
Где обе встречаются вместе.

Есть взгляд, проникнутый злобой,
И взгляд, таящий презренье.
А если встречаются оба,
От этого нет исцеленья.

Златая сеть (стр. 178). — В этом стихотворении «сеть» имеет тот же смысл, что «клетка» стихотворения «Песня» в «По-

этических набросках»: незримые — или позолоченные — оковы, которыми в земной юдоли сковано Воображение.

Странствие (стр. 180). — По мнению большинства исследователей, «дитя» в этом стихотворении — дух Свободы, «старуха» — современное Блейку общество. Стихи представляют собой аллерию, изображающую тернистый и причудливый путь Свободы через века истории, как представлял себе этот путь их автор. Свобода облагораживает общество, в котором она явилась, однако, восторжествовав, Свобода отрицает самое себя (мотив, по всей вероятности, подсказанный событиями во Франции); Жизнь — вышедшая из огня дева — прогоняет такую Свободу (дряхлый старец, ищущий подругу в жертвы), но Земля (девочка, которая оказывается в руках старца) по-прежнему жаждет Свободы, и теперь уже Земля облагораживает старца — только для того, чтобы от этого союза родился Младенец, т. е. все тот же дух Свободы, и «все, как сказано, — опять». По другим толкованиям, «Странствие» — стихи о конечной бессмысленности жизни на стадии Порождения и даже на стадии Беулы; они заключают в себе скрытый призыв к радикальному освобождению Поэтического Геня, таящегося в человеке и единственно способного открыть человечеству такие пути духовной жизни, которые сделают возможным истинный ее прогресс, а не механическое кружение на месте.

Прорицания Невинности (стр. 194). — По форме эта поэма Блейка напоминает назидательные поэмы Кристофера Смарта (1722—1771) «Песнь Давиду» и «Jubilate Agno», в которых разнообразные явления окружающего мира сопоставляются с теми или иными библейскими образами или цитируемыми стихами из Евангелия.

С. Маршакom переведена часть «Прорицаний»:

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

Если птица в клетке тесной —
Меркнет в гневe свод небесный.

Ад колеблется, доколе
Стонут голуби в неволе.

Дому жребий безысходный
Предвещает пес голодный.

Конь, упав в изнеможенье,
О кровавом молит мщенье.

Заяц, пулей изувечен,
Мучит душу человечью.

Мальчик жаворонка ранит —
Ангел петь в раю не станет.

Петух бойцовый на дворе
Пугает солнце на заре.

Львиный гнев и волчья злоба
Вызывают тень из гроба.

Лань, бродя на вольной воле,
Нас хранит от скорбной доли.

Путь летучей мыши серой —
Путь души, лишенной веры.

Крик совы в ночных лесах
Выдает безверья страх.

Кто глаз вола наполнил кровью,
Вовек не встретится с любовью.

Злой комар напев свой летний
С каплей яда взял у сплетни.

Гад, шипя из-под пяты,
Брызжет ядом клеветы.

Взгляд художника ревнивый —
Яд пчелы трудолюбивой.

Правда, сказанная злобно,
Лжи отъявленной подобна.

Принца шелк, тряпье бродяги —
Плесень на мешках у скряги.

Радость, скорбь — узора два
В тонких тканях божества.

Можно в скорби проследить
Счастья шелковую нить.

Так всегда велось оно,
Так и быть оно должно.

Радость с грустью пополам
Суждено изведать нам.

Помни это, не забудь —
И пройдешь свой долгий путь.

Дело рук — топор и плут,
Но рукам не сделать рук.

Каждый знает, что ребенок
Больше, чем набор пеленок.

Та слеза, что наземь канет,
В вечности младенцем станет.

Лай, мычанье, ржанье, вой
Плещут в небо, как прибой.

Ждет возмездья плач детей
Под ударами плетей.

Тряпки нищего в отрепья
Рвут небес великолепье.

Солдат с ружьем наперевес
Пугает мирный свод небес.

Медь бедняка дороже злата,
Которым Африка богата.

Грош, вырванный у земледельца,
Дороже всех земель владельца.

А где грабеж — закон и право,
Распродается вся держава.

Смеющимся над детской верой
Сполна воздастся той же мерой.

Кто в детях пробудил сомненья,
Да будет сам добычей тленья.

Кто веру детскую щадит,
Дыханье смерти победит.

Игрушкам детства — свой черед,
А зрелый опыт — поздний плод.

Лукавый спрашивать горазд,
А сам ответа вам не даст.

Отвечая на сомненье,
Сам теряешь разуменье.

Сильнейший яд — в венке лавровом,
Которым Цезарь коронован.

Литая сталь вооруженья —
Людского рода униженье.

Где золотом чистейшей пробы
Украсят плуг, не станет злобы.

Там, где в почете честный труд,
Искусства мирные цветут.

Сомненьям хитрого советчика
Ответьте стрекотом кузнечика.

Философия хромая
Ухмыляется, не зная,

Как ей с мерой муравьиной
Сочетать полет орлиный.

Не ждите, что поверит вам
Не верящий своим глазам.

Солнце, знай оно сомненья,
Не светило б и мгновенья.

Не грех, коль вас волнуют страсти,
Но худо быть у них во власти.

Для всей страны равно тлетворны
Публичный дом и дом игорный.

Крик проститутки в час ночной
Висит проклятьем над страной.

Каждый день на белом свете
Где-нибудь родятся дети.

Кто для радости рожден,
Кто на горе осужден.

Посредством глаза, а не глазом
Смотреть на мир умеет разум,

Потому что смертный глаз
В заблужденье вводит нас.

Бог приходит ярким светом
В души к людям, тьмой одетым.

Кто же к свету дня привык,
Человечий видит лик.

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1808—1811)

«Ни одного врага...» (стр. 207) — Джон Трот — прозвище мужлана.

Вильяму Хейли о дружбе (стр. 208) — О Хейли см. прим. на стр. 299, а также вступительную статью.

«Чувства и мысли в картине нашедший...» (стр. 211). — Стихи метят в Джошуа Рейнольдса (1763—1792), президента Королевской академии искусств.

Блейк в защиту своего каталога (стр. 216). — «Описательный каталог», подготовленный Блейком к его выставке 1809 г. (см. вступительную статью), содержит изложение художественных взглядов Блейка.

Бартолоцци, Франческо (1727—1815) — итальянский гравер, считавшийся законодателем мод; Блейк многократно высказывался против его жеманной манеры.

Драйден, Джон (1631—1700) — поэт и драматург эпохи Реставрации, с 1671 г. — придворный историограф. С Мильтоном он популяризировал в своем «Опыте о драматической поэзии» (1668).

Хогарт, Уильям (1697—1764) — крупнейший английский художник и гравер своей эпохи. Копии гравюр Хогарта для издания 1806 г. делал Томас Кук (1744? — 1828).

Поп, Александр (1688—1744) — ведущий поэт и теоретик классицизма в Англии. Переводы «Илиады» (1715—1720) и «Одиссеи» (1725—1726) выполнены Попом с учетом устремлений его эпохи к «элегантности», отчего ощутимо пострадал поэтический язык Гомера.

Стотхард, Томас (1755—1834) — художник, друг Блейка. В 1806 г. издатель Р.-Х. Кромек заказал Блейку иллюстрации к «Кентерберийским пилигримам» Чосера; одновременно за меньшую плату тот же заказ был поручен Стотхарду.

Скьявонетти, Лунджи (1770—1812) — гравер, автор наиболее известного портрета Блейка; умер во время работы над гравюрой с оригинала Стотхарда.

ИЗ ПИСЬМА К БАТТСУ

<Грозный Лос> (стр.222—225). — Текст (без заглавия) — в письме Блейка Томасу Баттсу (1759—1846) от 22 ноября 1802 г., где сказано, что эти стихи «написаны более двенадцати месяцев назад, когда я шел пешком из Фелпхэма в Лавант встречать сестру».

Лос — анаграмма латинского Sol (солнце). В блейковской мифологии символ Поэзии, или же Творческого Воображения.

Энитхармон — эманация Лоса, его близнец, его жена, символ Красоты; в «Книге Уризена» (1794) описано, как Энитхармон отделяется от Лоса после того, как Уризен (механический разум) становится верховным божеством поработенного им Альбиона.

Теотормон — см. ниже, прим. к «Видениям дочерей Альбиона».

Фювели, Иоганн Генрих (1741—1825) — художник и поэт, выходец из Швейцарии. В Англии жил с 1763 г., прославился картинами и рисунками в духе модной тогда «готики», требовавшей изображения всевозможных ужасов и «потустороннего». С Блейком познакомился в 1800 г. и оказывал ему помощь, добывая заказы на рисунки.

Беула — см. выше, прим. на стр. 290.

ВОРОТА РАЯ

(стр. 226—229)

Награвировано в 1793 г. с подзаголовком «Для детей»; в этом издании книга представляла собой цикл из 18 гравюр, символически изображающих земную жизнь человека от рождения до могилы. Стихи, поясняющие смысл гравюр, добавлены в 1818 г., когда цикл был отпечатан Блейком заново с подзаголовком «Для лиц обоего пола». Текст перекликается со стихотворением «К Тирзе»
Нумерация стихов соответствует нумерации гравюр.

Сын утра — Люцифер.

ИЗ КНИГИ «ВЕЧНОСУЩЕЕ ЕВАНГЕЛИЕ»

(стр. 230—233)

Хотя поэма и записана в тетрадь Россетти, более или менее точная ее датировка большинством исследователей признается затруднительной. Скорее всего Блейк работал над ней много лет, время от времени добавляя новые двустишия. О доктрине «вечносущего евангелия» и ее отражении в творчестве Блейка см. в кн.: А. Мортон. *От Мэлори до Элиота*. М., 1970. См. также вступительную статью.

Милетов идеал. — Милет — один из судей, вынесших приговор Сократу, который должен был принять яд.

В двенадцать лет бежал он, бросив... — Евангелие от Луки, 2, 42 и сл.

Отца небесного я дело... — Евангелие от Луки, 2, 49.

ПОЭМЫ

КНИГА ТЭЛЬ

(стр. 247—253)

Написана и отпечатана в 1789 г.; сохранилось 18 экземпляров позднейших перепечаток (один — в связке с поэмой «Видения дочерей Альбиона»). Если не считать предшествующего «Книге Тэль» малоудачного «Тириэля» (1788), которого Блейк впоследствии не гравировал, это самая ранняя из «Пророческих поэм». Почти несомненно, что «Тэль» написана под влиянием пьесы-

«маски» Джона Мильтона «Комус» (1637), в которой рассказывается о Деве, заблудившейся в лесу и повстречавшей злого мага Комуса. От чар мага Деву спасло своевременное вмешательство братьев, которые обратились за помощью к нимфе Сабрине (в этом образе Мильтоном воспета целительная сила Природы). Подобно мильтоновской Деве, Тэль — чистая душа, которая впервые соприкасается с миром Познания; одни комментаторы интерпретируют символику «Книги Тэль» преимущественно в физиологическом плане (лилия — невинность героини, облако — плодотворящее начало, глина — материнство), другие считают, что Тэль — символ фантазии, посетившей реальный мир и поспешившей укрыться в долине Гара.

Гар — один из пророков в блейковской мифологии, предшественник Лоса; долина Гара — царство непорочной любви.

Лува — в «Книге Тэль» символ Эроса, в дальнейшем становится у Блейка многозначным образом, вобравшим в себя черты Адониса и Прометея и близким Орку — блейковскому символу Свободы.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ РАЯ И АДА

(стр. 254—271)

Написано в 1790 г., награвировано и отпечатано в 1793 г. (до нас дошло 9 экземпляров этого блейковского издания). Поэма представляет собой своего рода философский диспут со шведским мистиком Эммануилом Сведенборгом (1688—1772), изложившим

основные идеи своего учения в книге «Рай и Ад», которую Блейк знал по лондонскому изданию 1758 г. (сохранился экземпляр с блейковскими маргиналиями). Об отношении Блейка к Сведенборгу и сведенборгианству см. вступительную статью; этому важно для блейковедения вопросу посвящена работа Дж.-Р. Сабри-Табриси (J. R. Sabri-Tabrizi. The «Heaven» and «Hell» of William Blake. Lnd., 1973).

Ринтра — один из сыновей Лоса, пророк-отшельник, обитающий в пустыне и обрушивающий свой гнев на порочный мир, который он зовет к раскаянию.

Тридцать три года назад — т. е. в 1757 году, в год рождения Блейка. Согласно Сведенборгу, в этот год должен был произойти Страшный суд; сектанты-сведенборгианцы исходили из хилиастической доктрины Миллениа (тысячелетнего царства Христа на земле после второго пришествия), вслед за Сведенборгом указывая, что Страшный суд ожидает человечество не в отдаленном будущем, а при жизни современного поколения людей.

Едом — точнее, Исав — старший сын Исаака, хитроумием младшего своего брата, Иакова, лишенный прав первородства.

Парацельс (1493—1541) — во времена Блейка был известен не только как выдающийся ученый, но — особенно среди сектантов — и как еретический теолог, проповедовавший идеи, близкие хилиастическим.

Якоб Бёме (1575—1624) — немецкий философ-самоучка; Ф. Энгельс считал его одним из первых мыслителей-диалектиков в Европе. Религиозные взгляды Бёме созвучны учению анабаптистов.

С. Маршаком переведены «Пословицы ада»:

В пору посева учись, в пору жатвы учи, зимой пользуйся плодами.

Гони свою телегу и свой плуг по костям мертвецов.

Дорога избытка ведет к дворцу мудрости.

Расчетливость — богатая и безобразная старая дева, за которой волочится бессилие.

Тот, кто желает, но не действует, плодит чуму.

Разрезанный червь прощает свою гибель плугу.

Погрузи в реку того, кто любит воду.

Дурак видит не то самое дерево, что видит мудрый.

Тот, чье лицо не излучает света, никогда не будет звездой.

Вечность влюблена в творения времени.

У занятой пчелы нет времени для скорби.

Время безумия может быть измерено часами, но время мудрости никаким часам не измерить.

Всякая здоровая пища добывается без сети и западни.

Вспомни число, вес и меру в голодный год.

Никакая птица не залетит слишком высоко, если она летит на собственных крыльях.

Высший поступок — поставить другого впереди себя.

Если бы дурак был настойчив и последователен в своей глупости, он стал бы мудрым.

Глупость — мантия плутовства.

Стыд — мантия гордости.

Тюрьмы построены из камней закона, публичные дома — из кирпичей религии.

Гордость павлина — слава божия.

Похоть козла — щедрость божия.

Гнев льва — мудрость божия.

Нагота женщины — дело рук божьих.

Избыток скорби смеется. Избыток радости плачет.

Львиный рык, волчий вой, рев бушующего моря и разрушительный меч — частицы вечности, слишком великие для людского глаза.

Лисица винит западню, а не себя.
Радости оплодотворяют. Скорби рождают.
Пусть мужчина носит львиную шкуру, женщина — овечье руно.
Птице — гнездо, пауку — паутина, человеку — дружба.
Себялюбивого, улыбающегося дурака и надутого, хмурого дурака пусть считают мудрыми, чтобы они послужили розгой.
То, что ныне доказано, некогда только воображалось.
Крыса, мышь, лисица, кролик следят за корнями; лев, тигр, конь, слон — за плодами.
Водоем содержит; фонтан переполняет.
Одна мысль заполняет бесконечность.
Всегда будь готов высказать, что у тебя на уме, и негодяй будет избегать тебя.
Все, во что можно поверить, есть подобие истины.
Орел никогда не терял понапрасну так много времени, как тогда, когда согласился учиться у вороны.
Лисица промышляет для себя сама, но бог споспешествует льву.
Думай утром. Действуй в полдень. Ешь вечером. Спи ночью.
Тот, кто позволил вам обмануть себя, знает вас.
Как плут следует за словами, так бог вознаграждает молитвы.
Тигры гнева мудрее, чем клячи наставления.
Жди яда от стоячей воды!
Ты никогда не будешь знать достаточно, если не будешь знать больше, чем достаточно.
Прислушайся к упреку дурака! Это для тебя королевский титул.
Глаза огня, ноздри воздуха, уста воды, борода земли.
Слабый храбростью силен хитростью.
Яблоня не спрашивает у бука, как ей расти, лев у коня, как ему охотиться.
Благодарный пожинает богатый урожай.
Если бы другие не были дураками, мы были бы ими.
Душа чистого наслаждения никогда не может быть загрязнена.

Когда ты видишь орла, ты видишь частицу гения. Подыми голову!

Как гусеница кладет яйца на лучшие листья, так священник налагает проклятие на лучшие радости жизни.

Создание маленького цветка есть работа веков.

Проклятие бодрит, благословение расслабляет.

Лучшее вино — старое, лучшая вода — свежая.

Молитвы не пашут; хвалы не жнут.

Радости не смеются, печали не плачут.

Голова — возвышенное, сердце — пафос, половая сфера — красота, руки, ноги — пропорции.

Что воздух птице, что вода рыбе, то презрение — презренному.

Ворона хотела бы, чтоб все на свете было черным, сова — чтобы все было белым.

Если бы лев слушался совета лисы, он был бы хитрым.

Усовершенствование создает прямые дороги, но кривые дороги без усовершенствования есть дороги гения.

Лучше убить ребенка в колыбели, чем питать неосуществленные желания.

Где нет человека, природа бесплодна.

Истину нельзя рассказать так, чтобы ее поняли; надо, чтобы в нее поверили.

Довольно! — или слишком много.

ВИДЕНИЯ ДЩЕРЕЙ АЛЬБИОНА

(стр. 272—282)

Награвировано в 1793 г., сохранилось в 17 экземплярах (один — в связке с «Книгой Тэль»). Поэма, сюжетно напоминающая «Ойтону» Оссиана, представляет собой продолжение «Тэли»:

если героиня «Книги Тэль» обитает в царстве Неведения, Утуна в «Дщерях Альбиона» оказывается уже в царстве Познания, и произведение в целом представляет собой резкую критику принципов, на которых основывались в английском обществе той поры семейные отношения. В поэме оставило заметный след знакомство Блейка с памфлетом Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщины» (1792), который наделал немало шума.

Протест против порабощенного положения «дщерей Альбиона» сливается с протестом против всякого порабощения — в том числе и расового. Во время работы над поэмой Блейк по поручению издателя Дж. Джонсона иллюстрировал книгу капитана Дж.-Д. Стэдмана о путешествии по Гвиане и о восстании суринамских невольников в 1777 году (книга вышла в 1796 г., два тома). В «Видениях дщерей Альбиона» выразились и те мысли, которые вызвала у Блейка книга Стэдмана, подробно и достоверно описывавшая положение рабов на гвианских плантациях.

Теотормон — появляется и в других блейковских произведениях, олицетворяя бездушные общепринятых социальных установлений.

Бромион — имя образовано от греч. βρομιος — «рѣв»; символ грубой, бездуховной силы.

Уризен — имя образовано от англ. «Your reason» — «ваш (т. е. чуждый Блейку) разум». Один из центральных персонажей блейковской мифологии, воплощение бездушного разума, уродующего жизнь.

ИЗ ПОЭМЫ «МИЛЬТОН»
(стр. 283—286)

По сути дела, С. Маршакom переведено два отрывка из этой поэмы, отпечатанной Блейком в 1809 г.: «Вступление» (первый отрывок) и большой фрагмент из песни, озаглавленной в оригинале «Хор дня» — между вторым и третьим отрывком в оригинале имеется еще одна строка, выпушенная переводчиком, поскольку она связывает «Хор дня» с другими песнями поэмы и потребовала бы прострannого комментария. «Вступление» к «Мильтону» стало в XIX веке народной песней, часто исполнявшейся на рабочих митингах. В целом поэма «Мильтон» представляет собой апофеоз борьбы Блейка против механистического, «уризенoвского» жизнепонимания, против «сатанинской троицы», которую символизируют здесь Бэкон, Ньютон и Локк. Мильтон призван сбросить «уризенoвское ярмо», освободив Альбион. По мнению Блейка, он терпит неудачу в этой борьбе не только из-за неравенства сил, но и потому, что и сам Мильтон находится в плену ложного, церковно-теологического сознания. Поэма «Мильтон» содержит свод основных положений философии и этики ее автора.

А. Зверев

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Эверев. Жизнь и поэзия Блейка . . . . .</i>	<i>5</i>
---	----------

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗ КНИГИ «ПОЭТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ»

<i>Песня («В полях порхая и кружась...») Перевод С. Маршака . . . . .</i>	<i>35</i>
<i>* К Весне. Перевод В. Потаповой . . . . .</i>	<i>37</i>
<i>* К Лету. Перевод В. Потаповой . . . . .</i>	<i>39</i>
<i>* К Осени. Перевод В. Потаповой . . . . .</i>	<i>41</i>
<i>* К Зиме. Перевод В. Потаповой . . . . .</i>	<i>43</i>
<i>* Безумная песня. Перевод А. Парина . . . . .</i>	<i>45</i>
<i>К музам. Перевод В. Потаповой . . . . .</i>	<i>47</i>

Игра в жмурки. Перевод С. Маршака	49
Король Гвин. Перевод С. Маршака	54
* Песня менестреля. Перевод А. Шариповой	60

ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ,
ПОКАЗЫВАЮЩИЕ ДВА ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ
СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ

Вступление. Перевод С. Маршака	63
Пастух. Перевод С. Маршака	65
* Зеленое ау. Перевод В. Топорова	66
Агнец. Перевод С. Маршака	68
Черный мальчик. Перевод С. Маршака	69
Цветок. Перевод В. Микушевича	71
Маленький трубочист. Перевод С. Маршака	72
Заблудившийся мальчик. Перевод С. Маршака	74
Мальчик найденный. Перевод С. Маршака	75
Смеющаяся песня. Перевод С. Маршака	76
Колыбельная. Перевод В. Микушевича	77
По образу и подобию. Перевод В. Топорова	79
Святой четверг. Перевод С. Маршака	81
Ночь. Перевод С. Маршака	82
Весна. Перевод С. Маршака	85
Нянюшкина песня. Перевод В. Микушевича	87
Дитя-радость. Перевод С. Маршака	89
* Сон. Перевод В. Топорова	90
О скорби ближнего. Перевод С. Маршака	92

ПЕСНИ ПОЗНАНИЯ

Вступление. <i>Перевод В. Топорова</i>	94
Ответ Земли. <i>Перевод В. Топорова</i>	96
Ком Земли и Камень. <i>Перевод В. Топорова</i>	98
Святой четверг. <i>Перевод С. Маршака</i>	99
Заблудшая дочь. <i>Перевод В. Микушевича</i>	101
Обретенная дочь. <i>Перевод В. Микушевича</i>	104
Маленький трубочист. <i>Перевод В. Топорова</i>	107
Нянюшкина песня. <i>Перевод В. Микушевича</i>	108
Большая роза. <i>Перевод В. Потаповой</i>	109
Муха. <i>Перевод С. Маршака</i>	110
Ангел. <i>Перевод В. Топорова</i>	112
Тигр. <i>Перевод С. Маршака</i>	114
Мой розовый куст. <i>Перевод В. Топорова</i>	116
Ах! подсолнух! <i>Перевод В. Топорова</i>	117
* Лилии. <i>Перевод В. Потаповой</i>	118
Сад Любви. <i>Перевод В. Потаповой</i>	119
Маленький бродяжка. <i>Перевод С. Маршака</i>	120
Лондон. <i>Перевод С. Маршака</i>	122
Человеческая абстракция. <i>Перевод С. Маршака</i>	124
* Дитя-горе. <i>Перевод В. Топорова</i>	126
Древо яда. <i>Перевод С. Маршака</i>	127
Заблудившийся мальчик. <i>Перевод С. Маршака</i>	129
* Заблудшая девочка. <i>Перевод В. Топорова</i>	131
По образу и подобию. <i>Перевод В. Потаповой</i>	133
Школьник. <i>Перевод С. Маршака</i>	134
* К Тирзе. <i>Перевод В. Топорова</i>	136
Голос древнего барда. <i>Перевод В. Микушевича</i>	138

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1793)

«Словом высказать нельзя...» <i>Перевод С. Маршака</i>	139
* «Вора просил я...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	140
* «Я храм увидел золотой...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	141
* Дитя-горе. <i>Перевод В. Топорова</i>	143
«Я слышал ангела пенье...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	145
«Страшился я...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	147
* Под миртовым деревом. <i>Перевод В. Топорова</i>	148
* « — Зерна у тебя в подоле...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	150
«О чибис! Ты видишь внизу пустополе...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	151
Ничьему папе. <i>Перевод В. Потаповой</i>	152
Песня дикого цветка. <i>Перевод С. Маршака</i>	153
Мягкий снег. <i>Перевод В. Потаповой</i>	154
Пророчество Мерлина. <i>Перевод В. Потаповой</i>	155
День. <i>Перевод В. Потаповой</i>	156
* Темза и Огайо. <i>Перевод В. Потаповой</i>	157
«Пламень волос и румяную плоть...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	158
«Схватив за вихор...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	159
Летучая радость. <i>Перевод С. Маршака</i>	160
Вопрос и ответ. <i>Перевод С. Маршака</i>	161
Богатство. <i>Перевод С. Маршака</i>	162
Разговор духовного отца с прихожанином. <i>Перевод С. Маршака</i>	163
Искательнице успеха. <i>Перевод С. Маршака</i>	164

«Леность и обман блаженный...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	165
* «Двери настежь, парижские бордели...» <i>Перевод В. Топорова</i>	166

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТИ» (1800—1803)

Призрак и Эманация. <i>Перевод В. Потаповой</i>	169
* «Пока не женюсь...» <i>Перевод С. Маршака</i>	172
О девственности девы Марии и Джоанны Саускотт. <i>Перевод В. Потаповой</i>	173
«Живей, Вольтер! Смелей, Руссо!..» <i>Перевод В. Топорова</i>	174
<Утро>. <i>Перевод С. Маршака</i>	175

ИЗ «МАНУСКРИПТА ПИКЕРИНГА» (1800—1803)

* Улыбка. <i>Перевод А. Парина</i>	176
* Златая сеть. <i>Перевод В. Потаповой</i>	178
* Странствие. <i>Перевод В. Топорова</i>	180
* Юдоль грез. <i>Перевод В. Топорова</i>	185
Мэри. <i>Перевод С. Маршака</i>	187
Хрустальный чертог. <i>Перевод С. Маршака</i>	190
Серый монах. <i>Перевод В. Топорова</i>	192
* Прорицания Невинности. <i>Перевод В. Микшевича</i>	194
* Вильям Бонд. <i>Перевод В. Топорова</i>	201
Длинный Джон Браун и малютка Мэри Белл. <i>Перевод С. Маршака</i>	204

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1808—1811)

Моему хулителю. <i>Перевод С. Маршака</i>	206
«Ни одного врага...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	207
Вильяму Хейли о дружбе. <i>Перевод С. Маршака</i>	208
Ему же. <i>Перевод С. Маршака</i>	208
Эпитафия. <i>Перевод С. Маршака</i>	209
«Теперь попробуйте сказать...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	210
«Чувства и мысли в картине нашедший...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	211
«Всю жизнь любовью пламенной сгорая...» <i>Перевод С. Маршака</i>	212
Купидон. <i>Перевод В. Потаповой</i>	213
«Что оратору нужно?..» <i>Перевод С. Маршака</i>	215
Блейк в защиту своего каталога. <i>Перевод В. Потаповой</i>	216
«Творенье дурака по вкусу многим людям...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	218
О благодарности. <i>Перевод С. Маршака</i>	219
«Я встал, когда редела ночь...» <i>Перевод С. Маршака</i>	220

ИЗ ПИСЬМА К БАТТСУ

<Грозный Лос>. <i>Перевод В. Потаповой</i>	222
ВОРОТА РАЯ <i>Перевод В. Потаповой</i>	226

ИЗ КНИГИ «ВЕЧНОСУЩЕЕ ЕВАНГЕЛИЕ»

«Христос, которого я чту...» <i>Перевод С. Маршака</i>	230
* «Христос явил иль нет смиренье?...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	234

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Радущье старой Англии. <i>Перевод В. Потаповой</i>	236
«Предоставь меня печали...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	237
«Навеки мы будем...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	238
«За образец — ты мудреца огрехи...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	239
«Он век соблюдал золотое правило...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	239
«Жить как хочешь — выдумка, и баста!..» <i>Перевод В. Потаповой</i>	240
«Даром великим дурак наделен...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	241
Меч и серп. <i>Перевод С. Маршака</i>	242
«К восставшей Франции мошенники Европы...» <i>Перевод С. Маршака</i>	242
* Королеве. <i>Перевод В. Топорова</i>	243

ПОЭМЫ

Книга Тэль. <i>Перевод С. Маршака</i>	247
Бракосочетание Рая и Ада. <i>Перевод А. Сергеева</i>	254
Видения дочерей Альбиона. <i>Перевод А. Сергеева</i>	272
Из поэмы «Мильтон». <i>Перевод С. Маршака</i>	283
Комментарии А. Зверева	287

Блейк В.

Б 68 Стихи. Пер. с англ. Сост., вступит. статья и коммент. А. Зверева. М., «Худож. лит.», 1978.

325 с.

Вильям Блейк (1757—1827) принадлежит к числу величайших поэтов Англии. Его поэмы («Книга Тэль», «Бракосочетание Рая и Ада», «Видения дочерей Альбиона») и сборники стихотворений «Песни Неведения» и «Песни Познания» представляют собой вершины английского романтизма. В книгу включена большая часть лирических стихов поэта и избранные поэмы.

Б $\frac{70404-176}{028(01)-78}$ 193-78

И (Англ)

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК

СТИХИ

Редакторы

А. Парин и А. Мурик

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

Е. Полонская

Корректор

Г. Ганопольская

ИБ № 613

Сдано в набор 3/1 1976 г. Подписано в печать 1/VIII 1977 г.
Бумага мелован. Формат 60х60¹/₁₆. Елизаветинская кг. 8. Печать
высокая. 20,5 печ. л. 13,673 усл. печ. л. 8,366 уч.-изд. л.
Тираж 25000 экз. Заказ 1179. Цена 1 р. 50 к. Издательство «Ху-
дожественная литература». Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.
Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного
Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Мини-
стров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. Москва, М-54, Валуевая, 28

